

АНАСТАСИЯ ГОР

2:30

БОЛЕЕ
400 000
ЧИТАТЕЛЕЙ
НА WATTPAD

ПО АЛЯСКЕ

УТРО НАСТУПИЛО ЛИШЬ ДЛЯ НЕЕ ОДНОЙ

Анастасия Гор
2:36 по Аляске

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гор А.

2:36 по Аляске / А. Гор — «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-109698-4

Джейми Рейс – единственная студентка во всей Аляске, проснувшись утром 27 августа. Крис Роуз – единственный полицейский, оставшийся на Земле после рокового 2:36 на часах. Им предстоит непосильное: ей – пересечь несколько штатов, чтобы добраться до семьи, а ему – не дать себе все испортить. Ведь в этом новом мире таится что-то ужасное... Как и в самом Крисе. Когда все человечество умирает во сне, что лучше – проснуться или умереть вместе с ним?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109698-4

© Гор А., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	5
Часть I	7
1. Сумрачный лес	8
2. Голос в тишине	12
3. Неспящие	17
4. Мы Здесь Выживем	21
5. Изумрудный город	25
6. Маленький принц	30
7. Франкенштейн	33
8. Тототка	38
9. Роза и ее шипы	42
10. Джем	46
11. Самый глупый человек на Земле	50
12. Охотник	55
13. Гори	61
14. Джин-рамми	66
15. Соткана из бабочек	72
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Анастасия Гор

2:36 по Аляске

Пролог

Ночь. Она вопила сильнее, чем совы, что трапезничали в зарослях сосен. Ночь трещала по швам, взрываясь от криков людей, сторающих заживо. Я бежала не останавливаясь, потому что только так можно спрятаться от отчаяния и гнева, удушающих, словно углекислый газ.

А еще я пряталась от него. Тяжелая поступь нарастала следом. Давя ботинками сухой хворост, он не отставал ни на шаг. Лес пропах сырым мхом и ноябрьской слякотью, но я все равно чувствовала лишь один запах: терпкий вихрь из дорогого парфюма и пороха. Так пах мой преследователь, и от этого меня вот-вот грозило вывернуть наизнанку.

Спустя пятнадцать минут я снова споткнулась. Ступни онемели от холода даже сквозь подошву сапог. Ноги подкашивались от усталости, колени дрожали, как и пальцы, с трудом удерживающие заряженный револьвер. Все патроны были на месте, ведь я до сих пор так ни разу и не выстрелила, боясь потратить их впустую.

А зря.

Едва не прорыв носом сугроб, когда ноги вновь подогнулись, я наконец рискнула взять передышку. Припав к земле, я ползком добралась до первого встречного дерева и прижалась к нему спиной.

Я откинула голову и, тяжело осев на землю, прильнула щекой к жесткой коре, прислушиваясь. Пальцы заледенели. Я боялась нечаянно выронить скользкий револьвер и потерять его под толстым слоем снега. Ресницы покрылись инеем, а в висках гулко стучала кровь, но я все равно услышала его голос:

– Малышка, ты же знаешь, что я не люблю играть в прятки. Ну же, выходи. Ты что, хочешь заболеть?

«Лучше сдохну от пневмонии, чем выйду к тебе, ублюдок», – комом встало в горле, но, сжав губы, я не осмелилась даже пискнуть в ответ.

Какие у меня были варианты? Выбежать и попасть напрямиком на мушку или же остаться здесь и замерзнуть насмерть. Выбор без выбора. Только молитва.

«Пожалуйста, пусть он уйдет... Пусть он меня не заметит. Господи, я сделаю все что захочешь, если он просто уйдет!»

Но Господь не поверил. Если честно, в это не верила даже я сама.

Снова треск хвороста и шаги. Щелчок винтовки.

– Я слышу клцанье твоих зубов, Джеремя.

Я затаила дыхание и действительно обнаружила, что нижняя челюсть стучит о верхнюю в судороге озноба. Неужели настолько громко? Подогнув ноги и зажав подбородок между коленей, я стиснула зубы и велела себе затихнуть. Во рту все еще стоял вкус пепла.

«Ну же, проходи мимо, черт возьми!»

Волчий вой где-то далеко-далеко. Кряхтение сов. Свист ветра и все еще гремящие взрывы газовых баллонов, сносящих прочь лагерь, ставший родным.

Вдох-выдох. Выдох-вдох.

Ночь снова закричала, только уже без меня.

– Попалась!

До смешного банальный прием, но я купилась. Слишком долго томилась в ожидании момента, когда к моему виску приставят дуло винтовки. Он сыграл на этом, окликнув меня со

стороны, противоположной той, где я находилась на самом деле. Но я все равно подпрыгнула, выдавая себя с потрохами.

Какой позор.

Услышав, как он усмехнулся, я перепрыгнула поваленное дерево и бросилась наутек. То, что я сумела удрать от него в первый раз, – лишь его извращенная прихоть. Во второй раз не выйдет. Ему надоело играть.

Он прицелился, так неторопливо, словно злорадствовал, растягивая удовольствие от охоты.

Палец на курке. Спуск. Выстрел.

Пуля пробила бедро выше колена. Я завопила и тут же утратила равновесие, кувырком катясь вниз по заснеженному склону.

Палец на курке. Спуск. Выстрел.

Он повторял все по кругу – стрелял снова и снова, только уже не целясь. Просто пугал меня, пусть это и было бессмысленно: я ведь и так была напугана до чертиков.

Наконец, остановившись где-то внизу оврага и потеряв по пути револьвер, я бросилась на землю и, смахнув с лица снег, опустила взгляд на ногу.

Белый покров подо мной стремительно краснел. Кровь хлестала так, словно он прострелил банку с вишневой газировкой. Пуля прошла навывлет – я видела это по дыре в собственных джинсах с двух сторон. Одна хорошая новость наперевес трем другим: я не могла идти, я рыдала от боли и со склона на меня смотрел тот, на чьих плечах лежала вина за все случившееся.

Я всегда ненавидела снег, но зачерпнула его горсть ладонью и поблагодарила судьбу за утренний буран: снег немного унял боль и компенсировал отсутствие времени на перевязку. Кровь начала останавливаться, позволив мне продолжить бежать.

И я побежала.

Последняя секунда будто тянулась целую жизнь. Логичный финал, который хотелось отложить на потом. Надежды не существует, ведь иначе она бы оправдалась хоть однажды. Хотя бы сейчас, сумей я добежать до соседней кромки леса и спрятаться меж колкой хвои. Но я все-таки не успела.

Тяжелый вздох за спиной. Шлепок рюкзака на землю. Судя по всему, он снова прицелился. **Выстрел.**

Снайперская винтовка у него мощнее обычной, а точность острее, чем у простого любителя. Он не профессионал, но ему хватило умения поставить выстрел так, чтобы пуля врезалась в землю в нескольких сантиметрах от моего шага.

Охваченная паникой, я метнулась в сторону. Раненая нога подвернулась, а вторая заскользила на гладкой поверхности, устремляющейся вниз, к реке, бушующей у подножия скал.

Потеряв где-то позади оружие, я следом потеряла и себя: безвольно упала в пропасть, а затем жадно глотнула ледяной воды вместо желанного кислорода, надеясь всплыть наверх. Но не всплыла. Уже, кажется, никогда.

Река окрасилась в светлый пурпур от моей крови.

Часть I Кошмарный сон

1. Сумрачный лес

*«Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу...»
«Божественная комедия». Данте Алигьери*

Запись

Что первым приходит вам на ум, когда вы слышите слова «конец света»? Атомная война? Космический корабль пришельцев, повисший в темном бархате неба? Смертоносный вирус, превращающий людей в бездумных голодных зомби? Вам приходит на ум все что угодно, и это «все» обязательно ассоциируется с массовой паникой и хаосом. В голове зреет любой сценарий, кроме одного: конец света необязательно должен быть шумным и даже заметным.

Это случилось тихой ночью в конце августа, когда еще достаточно тепло для барбекю, но уже не так, чтобы готовить его в одной майке. Лето на Аляске куда холоднее обычного, но мне все равно нравилось проводить каникулы здесь. Правда, мой энтузиазм навсегда исчез после одного-единственного четверга.

27 августа. 2:36, застывшее на всех часах – настенных, наручных, настольных. Те, кто еще не спал в это время суток, вдруг разом уснули. И уже не проснулись. Во всем студенческом городке под названием Фэрбенкс в штате Аляска утро наступило лишь для меня одной.

Первой я попыталась разбудить свою соседку Верити. Когда, столкнув ее с постели на пол, я не услышала привычного ворчания, я первым делом приложила два пальца к артерии на ее шее. Хватило пары секунд, чтобы убедиться: сердце не бьется. Бледная, почти лиловая, она отчетливо выделялась на фоне дубового пола. Рыжие волосы, словно языки пламени, пожирали осунувшееся лицо.

– Стефани! Верити мертва, Стефани! – вопила я так, что начало саднить горло. Меня била дрожь, я бездумно накинула на Верити одеяло с эмблемой нашего университета – полярным медведем – и ринулась к стоящей в углу кровати Стефани.

Честно сказать, Стеф никогда не была мне близкой подругой, в отличие от Вер. Нам не удавалось найти общий язык, но мне было достаточно и того, что она показывала себя примерным сожителем. Никогда не забывала выкинуть просроченное молоко или вовремя вернуть одолженную книгу. У Стефани были черные волосы и серые глаза – идеальное сочетание холодности и великолепия. Помимо красоты и хозяйственности, она обладала невероятно острым умом. Но даже этот ум не уберег ее от вечного сна.

– Стефани! – снова вскричала я, дергая за рукав фланелевой сорочки, и Стефани неуклюже соскользнула с постели вниз вместе с подушкой.

Вот уже два мертвых тела лежали у моих ног.

Съежившись на коврикe посреди комнаты, я просидела так около пятнадцати минут, молча приходя в себя, пока не грянула истерика. И я заплакала. Не знаю, сколько именно я рыдала, размазывая следы вчерашнего макияжа по лицу. Но когда это закончилось, я не могла даже говорить.

В глубине души я верила, что кто-то придет на мои завывания. Героически ворвется в комнату и спасет меня от трагедии. Две смерти за ночь в одной спальне без очевидных причин – такого ведь просто не бывает! А еще не бывает того, чтобы меня никто не услышал и не пришел. Чтобы точно так же, как Верити и Стефани, меня покинули все остальные.

Но в этом мире случается даже то, чему случиться на первый взгляд просто не суждено.
– Томми...

Это было третье имя, сорвавшееся с моих уст в то утро. Затем Лен. Кирилл. Айзек. Глория. Приветливый белокурый парнишка по имени Мишель. Здешняя «малышка на миллион» Виви. Даже преподаватель микробиологии со своей женой Стэйси...

Их было много, точнее – все. Общежитие превратилось в мавзолей. Если зайти в комнату и оглядеться, то все кажется нормальным: уютная спальня подростков, отсыпавшихся после напряженной учебной недели. Но это не подростки. Это Тела. Так я стала звать их, чтобы лишний раз не смаковать слово «трупы». Они – моя единственная компания, потому что за все сорок семь дней я не встретила никого, у кого в груди по-прежнему бы билось сердце.

В кармашке осталась последняя пачка мармеладных мишек. На одних сладостях с бесконечным сроком годности долго не продержаться, но я пыталась. Мой путь был и останется дальним. Я шла в истоптанных кедах к границе, с походным рюкзаком за плечами и с почти разрядившимся плеером. Лишь музыка скрашивала мое путешествие до Орегона, куда я направлялась, чтобы вернуть родных. Ну или то, что от них осталось.

После заката на улице становилось небезопасно. Медведи гризли любили бушевать под конец летнего сезона. Я почти не спала. Лишь окончательно выбившись из сил из-за странствий или рыданий взахлеб, я проваливалась в долгожданное забытие. А проснувшись, снова погружалась в неизменный кошмар. Единственным утешением стал алкоголь, но он слишком задерживал меня: за целых полтора месяца я не преодолела и половины Аляски. Однако пережив шестое по счету похмелье за две недели, в приступах рвоты я сердечно поклялась бросить – и завязала. Наверно, это был самый короткий период алкоголизма за всю историю.

Пересекая речной мост, я притормозила, чтобы глянуть на отражающую гладь воды как на своеобразное зеркало. Видеть собственное лицо было трудно, ведь в нем прослеживаются чужие черты – моих родителей, сестры и брата. Каждая линия так или иначе связана с ними и навеивает воспоминания. От отца мне досталась смуглая кожа с россыпью веснушек, гроздьями усеявшими тело, и высокий рост, в котором я уже к четырнадцати годам превосходила свою мать, хрупкую и русую, как коренные прибалтийцы. У нас с ней были одинаковые глаза – зеленые. Но в остальном во мне было больше от юга – темные волосы и страсть к испанской сангрии. Джесс – моя младшая сестра – ненавидела сангрию. Да и меня иногда тоже. Севера от матери в ней было даже больше, чем во мне юга от отца, и под «севером» я подразумеваю совсем не внешность.

Джесс была младше меня всего на шесть лет, но пропасть между нами была на все двадцать. Однажды, когда я только пошла в школу, мама подозвала меня к себе и ткнула пальцем в свой живот.

– Смотри, здесь растет твоя сестренка. Скоро вы будете играть вместе и заботиться друг о друге, – сказала она.

Мама еще никогда так не ошибалась.

* * *

– Почему он выбрал тебя?

Джесс буквально выхватила у меня из рук расческу, когда я, проигнорировав ее угрожающий тон, продолжила невозмутимо приводить в порядок прическу. Неохотно взглянув на сестру, я обнаружила уже знакомое зрелище: пылающие от гнева щеки и пухлая нижняя губа, дрожащая от обиды.

– Не молчи!

Тяжело вздохнув, я подобрала с туалетного столика шпильки и закрепила ими локоны на затылке.

– Что ты хочешь услышать?

– Почему вместо меня он выбрал тебя?!

Я закатила глаза и, обернувшись на Джесс, потянулась к своей расческе. Она упрямо отдернула руку.

– Он все равно не подходит тебе, – скривилась я.

– Почему это?

– Тебе тринадцать, Джесси.

– Ну?

– А ему двадцать три.

– И что?

– И, как все тринадцатилетки, ты слишком подвержена гормонам, чтобы думать головой! – простонала я и, все же опередив реакцию сестры, вырвала расческу обратно. – Макс для тебя слишком взрослый. Да и это уже четвертая твоя «большая любовь» за последние полгода. Может, хватит убиваться по пустякам? Лучше помоги мне отыскать земляничные духи. Ты их случаем не брала?

Я услышала, как Джесс зашипела сквозь сжатые зубы, а затем она резко подалась вперед и хлопнула ладонью по моей укладке. Острые шпильки со звоном посыпались на пол, а заколка болезненно царапнула кожу над шеей. На глазах у меня едва не навернулись слезы, но торжествующее лицо Джесс в отражении зеркала помогло удержаться от слабости.

– Ах ты маленькая!..

Джесс попятилась, когда, схватив накаленный утюжок для волос, я развернулась к ней всем корпусом.

– Я все расскажу тете Лар! – испуганно заверещала она, когда утюжок оказался в опасной близости от ее щеки. – Расскажу, как ты поступаешь со мной и какая ты... гадина!

– Эй, не смей ругаться!

– Иначе что? – воскликнула она снова, и я вдруг замешкалась, когда из-под ее век тут же хлынул поток горячих театральных слез. Ох, только не снова! – Сама идешь на свидание с ним, а меня оставляешь здесь, совсем одну! И когда начнется учебный год, снова оставишь, как Эш оставил! Ты ничем не лучше его. Почему я тогда не села в машину вместе с мамой и папой?!

От надрывного воя, на который сошел ее плач, я содрогнулась и моментально сдалась, опустив вниз плойку и выдернув ее из розетки.

– Не надо, – попросила я тихо и, подойдя к сестре, обхватила ее руками, зная, что она будет сопротивляться, а оттого стискивая еще крепче. – Эш не бросал нас. Он уехал поступать в университет, чтобы затем вернуться и забрать нас к себе, понятно? Мы делаем это, чтобы заботиться о тебе.

– Как? – жалобно всхлипнула Джесс в моих объятиях. – Как Эш позаботится обо мне из соседнего штата?! А как это сделаешь ты из Аляски?..

– Джессамина! – резко оборвала я начинающуюся истерику, и сестра наконец-то затихла. Склонившись к ее волосам, я зарылась в них носом. – Тетя Ларет присмотрит за тобой до моего возвращения, а уже через год Эш устроится на работу, и ты переедешь к нему. Следующее лето мы, как обычно, проведем вместе. Никто никого не бросает. – Я сдавила пальцами плечи Джесс, выбивая из нее неохотный кивок. – И не смей говорить, что тебе жаль, что не поехала тогда вместе с родителями. Я, ты и Эшли – мы все еще живы, и это главное. Ты правда думаешь, что такие проблемы, как Макс или учеба в университете, столь важны по сравнению с этим?

Джесс шмыгнула заложенным носом и опустила глаза. Ее лицо приобрело недоверчивое выражение, и мне это не понравилось.

– Только посмей сказать, что имеют, и я измажу тебя в... – Я бросила беспомощный взгляд на туалетный столик и выпалила: – В геле для волос! Ясно?

Джесс вяло хихикнула. Когда я отпустила ее, она снова потупилась, и «север» в ее крови возобладал: взгляд сделался сухим и резким, а мимика непроницаемой. Уставившись куда-то

на собственные ладони, Джесс уже знакомо задрожала, и я тут же прикусила себе язык, пожалев о ненароком вылетевших словах про укладочный гель.

– Надо помыть руки.

И Джесс пулей бросилась в ванную комнату к стойке с антибактериальным мылом и влажными салфетками.

* * *

Не считая этого случая, в последний раз мы с Джесс обнимались на день рождения отца, когда выносили фруктовый торт. Стоило родителям погибнуть в автокатастрофе, как и поводов мириться у нас не стало. Я и Джесс окончательно утратили взаимопонимание. Наш старший брат Эшли пытался склеить семью буквально по кусочкам, но семья – это не хрустальная ваза. Такое проще выкинуть на помойку, чем починить.

– Однажды мы снова будем вместе. Я найду жилье, и вы переедете ко мне в Неваду. Обещаю не развлекаться без вас в Лас-Вегасе, – с улыбкой произнес Эшли перед отъездом. У него на руках уже лежал билет в один конец и приглашение из университета Рено.

Я улыбалась в ответ, искренне радуясь его поступлению, к которому он готовился два с половиной года. Джесс же молчала, растирая руки влажными салфетками до болезненного покраснения. Ее рипофобия, появившаяся после аварии, обострялась каждый раз, стоило ей занервничать. В глубине души Джесс знала, что скоро уеду и я. К несчастью, она была права.

Фэрбенкс был единственным университетом, предложившим мне стипендию, и Джесс осталась в Орегоне один на один с тетей Ларет. Благо та оказалась слишком умна, чтобы пытаться заменить нам родителей, и потому стала самой классной тетей в мире. В этом Джесс повезло: в отличие от меня, они были вдвоем, и, вероятно, выживали тоже вдвоем. Они обязательно проснулись, как и я – другой вариант даже не рассматривался. Ведь зачем я тогда пересекаю Аляску, чтобы добраться до Орегона, а затем и до Невады, где Эшли? Умереть вместе с остальным миром и потратить мои силы впустую – слишком жестокий поступок с их стороны. Такое я Джесс, в отличие от кражи моих земляничных духов, уже не прощу.

Быть порознь с семьей, какой бы она ни была, – неправильно, тем более когда с миром происходит такое.

Итак, сколько уйдет консервированных ананасов, сосисок и паштета за неделю пути? Хм, было бы неплохо раздобыть еще складную палатку. Значит, придется отклониться от магистрали, заскочить в ближайший супермаркет и...

2. Голос в тишине

Ш-ш-ш.

– Что такое? Черт! Я же еще не закончила!

Диктофон в моих руках издал неестественный скрип, не предвещающий ничего хорошего. Я озадаченно уставилась на маленькое устройство, умещающееся в ладони, и неожиданно переносящу мне обжог едкий запах плавящейся пластмассы.

Что ж, рано или поздно это должно было случиться. Выругавшись, я подскочила с табурета и швырнула дымящийся диктофон в коробку с таким же бесполезным барахлом. Стрелка на часах, что я заводила интуитивно, уже подбиралась к полудню. Теперь вокруг действительно было тихо. Тише, чем я могла вынести. Запись истории о гибели мира и болтовня вслух – все, благодаря чему я держалась. Больше месяца я говорила, говорила, говорила... Идиотский способ не сойти с ума. Видимо, пора перестать отвлекаться на всякую ерунду и идти дальше.

Походный рюкзак, одолженный у моего мертвого соседа Томми, что страстно любил походы в горы. Фонарик – из его же шкафа. Свежая одежда, дорожная карта, спички, эластичный бинт, пластыри и пенициллин из студенческого лазарета. А еще кухонный нож из закуской – сносная альтернатива охотничьему. И, конечно же, очки, на которые мне упрямо не хочется менять изношенные и сухие контактные линзы.

Я натянула на голову капюшон, прячась от назойливых moskitov, и покинула придорожный отель, ставший мне домом на последние два дня передышки.

– Не хворайте, мистер Бейтс, – весело махнула рукой я мужчине в кресле, давно покрывшемуся слоем пыли, как и бейдж на его груди.

Мистер Бейтс был единственным Телом во всем мотеле, которое я нашла. Иногда спящий консьерж даже служил мне неплохим собеседником, учитывая, что собеседников у меня не было вовсе. Все портил лишь синеватый цвет его лица и абсолютное безразличие к нашей дискуссии. Мистер Бейтс, как и другие Тела, совсем не выдавал признаков разложения. У них даже не было трупного запаха. Я старалась не заострять на этом внимание, чтобы не бояться еще сильнее.

Стоило мне ступить за порог, как в лицо рьяно ударил ветер – особенности осени на Аляске. Уткнувшись в воротник носом, я доволокла чей-то самокат до середины дороги, пролегающей вдоль железнодорожных путей, и вскочила на него с разбегу. Колесики в пестрых наклейках едва справлялись с сырым и промерзшим асфальтом, но так все равно проще, чем идти пешком. Впереди виднелся указатель: «Анкоридж – 330 миль».

Внимание то и дело обращали на себя застрявшие в канавах машины: кто-то, очевидно, ехал по шоссе среди ночи, и того смерть застала прямо за рулем. Я не раз проверяла, заводятся ли такие авто, но эта идея никогда не срабатывала. К чему бы я ни притронулась, все уже было сломано. Лишь однажды мне посчастливилось завести желтый минивэн, но я была слишком пьяна, чтобы уехать далеко: минивэн перевернулся на следующем же повороте. Видимо, не просто так осталась в живых именно я – это просто очередная нелепица.

Однако иногда просветы все же случаются.

– Оптика!

Восторженный вопль вырвался спонтанно. Долгожданный магазин очков не мог вызвать у меня иную реакцию. В них всегда можно отыскать механический автомат с контактными линзами всех диоптрий и видов. И если я не ошибаюсь...

– Проблема.

Черт, опять вслух.

Я подперла самокатом дверь и припала лбом к автомату внутри, судорожно соображая, где бы отыскать что-то достаточно увесистое, чтобы пробить стекло толщиной в дюйм.

Сбросив рюкзак, я отправилась в соседнюю автомастерскую. Уже спустя пять минут мне удалось вернуться в магазин со свинцовым молотом в руках. Запястья ныли от тяжести, но на один размах меня хватило: от удара стекло крошкой обрушилось на мою обувь. Распихав все коробки по отделениям рюкзака, я вскрыла одну из пластин и с облегчением заменила линзы на свежие. Какое же это блаженство – смотреть на мир без боли в глазах!

Утрамбовав рюкзак, я, счастливая, вернулась к самокату и покатила дальше. Лишь спустя пятьдесят метров рукав толстовки показался мне слишком тяжелым и липким. Опустив глаза, я поморщилась: на радостях и не заметила, как один из осколков, в куче которых я самозабвенно рылась, распорол мне ладонь. Алая полоса тянулась от большого пальца до безымянного. Кровь закапала мне на куртку, стекая вниз. Засмотревшись, я упустила момент, когда самокат наехал на препятствие и увяз в чем-то мягком.

Руль дернулся, и я остановилась, чтобы отцепить от самоката голубое одеяло, намотавшееся на колеса. Распутав ткань, я осмотрела эмблему, вышитую по центру. Эта эмблема принадлежала моему университету в Фэрбенксе, от которого я была уже в неделях ходьбы. Эскиз этой эмблемы предложила декану моя соседка Верити. Она же собственноручно пришила ее на свое домашнее одеяло неуместной оранжевой нитью. Этим одеялом я укрыла саму Вер, чтобы не смотреть на нее...

Это и было покрывало Верити.

– Нет-нет, это не так, оно просто похоже или... – забормотала я себе под нос и, отшатнувшись от лоскута кашемировой ткани, попятилась. Забравшись на самокат, я объехала одеяло, то и дело косясь на него, будто в любой момент оно могло ожить и погнаться следом.

С чего я решила, что оно принадлежит именно Вер? Даже если я помню горькие слезы, которыми та захлебывалась, когда в очередной раз протыкала себе иголкой подушечки пальцев, промахиваясь мимо шва. Наверняка в мире полно подобных рукодельных одеял. Именно кашемировых... Голубых и со студенческой символикой-медвежонком.

Как неубедительно это ни звучало, но зато как логично. Я – последний человек на Земле, по крайней мере на Аляске, и других вариантов, кроме как совпадения, быть не могло.

Но я все равно потянулась рукой к кухонному ножу, продетому через пояс в качестве оружия. Стиснув рукоять пальцами, я немного успокоилась и поехала дальше, оставляя одеяло позади. И я бы забыла о нем окончательно, если бы за моей спиной вдруг не раздался странный, булькающий звук, словно кто-то проткнул воздушный шарик, наполненный слизью.

Я вздрогнула и обернулась, но не увидела ничего, кроме по-прежнему пустого шоссе в окружении деревьев, разбитых машин и... отсутствия голубого одеяла, прежде лежащего посреди дороги.

В голове загудело. Меня окатило паникой, как обычно окатывает холодом ведро льда. Руки затряслись, и я повернула руль в сторону. Переднее колесико самоката наткнулось на выемку в асфальте и отлетело на метр, а я перемахнула через руль.

– Да и черт с тобой! – воскликнула я, обиженно глядя на сломавшийся самокат, от которого у меня только прибавилось синяков. Вскочив на ноги и вынув нож, я заставила себя забыть об одеяле и прислушаться к здравому смыслу – я спринтовала прочь.

От бега у меня быстро закружилась голова. Мокро-серый асфальт под ногами смешался в одну сплошную зыбкую лужу, в которой я словно барахталась, пытаюсь убежать дальше, чем это было мне по силам. Перед глазами все плыло, и я не знала, что было тому виной: колючий ветер, бьющий мне в лицо до слез, или тоже слезы, но вызванные необузданным, животным страхом.

Я – последний человек на Земле. Так ли это на самом деле? Черт, а разве может быть иначе?!

Я не знала, от чего бегу и зачем, но меня действительно не покидало ощущение погони. Желание спрятаться с каждой секундой лишь нарастало, а чувство безопасности таяло на гла-

зах. Шоссе было слишком открытым местом, и я, стараясь не отходить от него далеко, заскочила в кусты, побежав вдоль по лесу.

«Что-то не так. Приближается что-то очень плохое. Ну же, соберись, трусиха!»

Лишь спустя несколько километров, которые я преодолела буквально на одном дыхании, мне удалось успокоить первобытный инстинкт самосохранения. Останавливаться по-прежнему не хотелось, но жжение в груди просто умоляло отдохнуть.

Я снова продела нож через пояс, но лишь для того, чтобы ухватиться руками за штору в выбитом окне и, подпрыгнув, ловко оказаться внутри деревянного фермерского дома – единственного, который заметила поблизости и до которого хватило дыхания добежать. Внутри оказалось темнее, чем я предполагала, и сырее тоже. Влажные стены поросли мхом. Однако даже мысль оказаться в крошечной тьме с крысами, шуршащими под полами, не пугала меня так сильно, как таинственное одеяло, спровоцировавшее воспоминания о Верити.

Я достала из рюкзака зажигалку, нащупав ее раньше, чем фонарик. Солнечный свет проникал в дом недостаточно, и комнаты практически оставались во мраке. Обойдя первый этаж, я взобралась по лестнице на второй.

Лучше бы я этого не делала.

Запах Тел с течением времени не менялся. От них всегда пахло так же, как и при жизни: от кого-то шафраном и специями, от кого-то мандариновым гелем для душа, а от кого-то съеденным чизбургером или потом. Но в коридоре на втором этаже запах висел иной. Не аромат хвои и земли, который принес на первый этаж ветер через выбитое окно, и уж тем более не запах парфюма. Это был свинцовый запах гнили – сладковатый, с мерзкой кислинкой, едкий и обжигающий. От этого запаха мне тут же захотелось склониться к полу и вытошнить ту пачку сырных палочек, которые я съела на завтрак.

Я никогда не знала, как пахнут трупы, но, ощутив этот запах, в тот же миг поняла, что именно так смердит разлагающаяся плоть.

Я обмотала вокруг лица шарф и осторожно заглянула в спальню. Зажигалка у меня в руках задрожала, а вместе с ней задрожало и пламя. Как хоровод игривых зверьков, оно заплясало на стенах, переплетаясь с тенями, и осветило лица молодой пары, обнимающейся на постели. Глаза умиротворенно закрыты во сне, но это не просто Тела – они были обычными трупами, и на мысль меня навел не только запах, но и две идеально ровные дырки у них во лбу. Каждая размером с пятьдесят центов. На подушке запеклась кровь вперемешку с человеческим мозгом.

Я едва устояла на ногах, облокотившись о платяной шкаф. Дышать сделалось тяжело, но не столько из-за запаха, сколько от ледящего ужаса, сковавшего грудную клетку железным прутом. Казалось, за это время я привыкла жить в обществе мертвецов, но, столкнувшись с настоящим мертвыми – изуродованными, гниющими трупами, – я поняла, что смерть вовсе не стала за это время мне другом, как я считала. Смерть все еще ужасна, и такая, какая сейчас представала прямо перед моими глазами, – ужаснее всего.

Убили их еще до дня Вечного Сна или же после – мне было плевать. Все, чего я хотела, – это убраться отсюда как можно скорее. И я бы сделала это, но внизу кто-то свалил сервант с посудой.

Звук разбившейся керамики. Лязг металла. Булькающий звук, словно кто-то проткнул водяной шар... Да, его я уже слышала.

Я покрылась гусиной кожей и, потушив зажигалку, вынула нож. Медленно вернувшись к лестнице, я выглянула через перила вниз, колеблясь. Кто бы ни выстрелил в этих людей, он, похоже, все еще находился здесь. И, возможно, именно он принес голубое одеяло к дороге. Я сглотнула подступивший к горлу ком и, стянув с лица шарф, чтобы глубоко вдохнуть, шагнула на лестницу.

Стараясь идти бесшумно, я спускалась все ниже и ниже, напряженно вслушиваясь. Продвигаясь по стенке в сторону кухни, я оказалась в ее дверях и огляделась. Сервант с посудой действительно был опрокинут, загорая проем, но здесь никого не было.

– Поч-чему ты? – послышалось сзади, и я онемела от страха.

Вскинув нож и развернувшись всем корпусом, я усталилась на миниатюрную фигурку девушки, застывшей возле лестницы, с которой я спустилась всего несколько секунд назад. На ее плечи было натянуто голубое одеяльце с медведем, которое она удерживала на себе костлявыми пальцами с ногтями, сточенными до мяса. Под ними я смогла разглядеть застиранную, сальную пижаму в клетку. А подняв взгляд чуть выше, я разглядела и вытянутое лицо, покрытое язвами, с двумя большими, словно пустыми, глазницами. Радужка и зрачки были до того белыми, что, казалось, их и нет вовсе. Копна волнистых огненно-рыжих волос, сбитых в огромные клоки на затылке, была такой же грязной, как и ее пижама.

– **Верити?**

– Поч-чему ты не с-спишь? – повторила она, запинаясь, и сухие, кровоточащие от трещин губы задрожали подобно векам, из-под которых на меня все еще в упор смотрели два белых глаза; белее, чем ее кожа. Белее, чем сам снег.

Мне сделалось дурно.

– Вер? – хрипло выдавила я так тихо, что не расслышала собственный голос.

Мысли спутались, и все, что я могла, – это прижиматься к кухонной тумбе, удерживая на весу нож, и разглядывать то, что раньше являлось моей соседкой.

Ее больше нельзя было назвать человеком. Она стояла, шатаясь из стороны в сторону, и шипела на меня, как змея. С каждым словом из ее горла раздавался глухой, булькающий звук... Тот самый звук, что раздался, когда пропало одеяло и когда разбился сервант. Он оповещал о том, что Верити все еще мертва.

– Когда я уходила, у тебя не билось сердце, – медленно произнесла я. – Что с тобой, Верити? Как ты нашла меня?.. Боже мой! – Я затрясла головой, чувствуя слезы, вставшие поперек горла одновременно с комом рвоты. – Что происходит, мать твою?!

Она перестала изгибаться взад-вперед и застыла. Обычно так застывают звери перед броском – точь-в-точь пума, собирающаяся лишить жизни заблудившуюся антилопу.

Впившись ногтями в резиновую рукоять ножа, я незаметно заняла оборонительную позицию, приготовившись к худшему.

– С-смотреть с-сны... В-месте. Нес-справедливо, – снова захрипела Верити и шагнула ко мне.

Меня ударило чем-то. То был удар воздуха, энергии, тепла... Это был удар чего угодно, только не руки Верити, потому что она стояла все еще слишком далеко от меня. Этот удар пришелся прямо на мои уши, и боль сделалась невыносимой.

Выпустив из пальцев нож, я обхватила голову руками. Тысяча острых игл будто пронзила меня где-то внутри, надламывая череп. Колени подогнулись, и я обрушилась на пол, не в силах пошевелиться.

Все, что делала Вер в тот момент, – стояла напротив с открытым ртом, сложенным в идеальной форме «О». Она визжала, и визг этот был истощным и губительным, похожим на ультразвук. Он словно поглотил все звуки вокруг. Так наверняка кричат демоны, пришедшие из самого ада.

Верити шла медленно – словно с трудом волочила ноги. Спустя минуту она замолчала. Боль отступила, и я согнулась пополам, переводя дыхание и понимая, что больше не слышу ничего, кроме звона в голове. Прижав к ушам пальцы, я поморщилась, когда кончики их тут же сделались мокрыми. Вытерев со щек кровь, потекшую из барабанных перепонок, я выпрямилась и увидела, что между мной и Верити осталось меньше метра.

Нож. Я опустила взгляд на свои руки и едва не задохнулась от ужаса.

Я потеряла нож!

– Я по-омогу ус-нуть, – прошептала она, наклоняясь ко мне, и это был мой последний шанс.

Звон прошел, как по шелчку пальцев. Дернув на себя за провод блендер, который по счастливой случайности оказался рядом, я ударила им Верити с такой силой, что острые винты вошли ей в шею почти до гортани.

Ее кровь брызнула на меня, и эта кровь не была горячей, какой ей полагается быть. Она была холодной, вязкой, противной... Но она была жидкой, а не свернувшейся. Невозможно.

Верити пошатнулась, но устояла на ногах. Она оскалилась, обнажая в улыбке редкие, наточенные зубы, похожие на шипы, и прыгнула вперед. Я закричала в тот самый момент, когда раздался выстрел. Затем еще один. И еще. Выстрелы растворились в моем крике, а затем стихли.

Несколько дыр во лбу Верити пустили ей еще один фонтан темной ледяной крови. Вер наконец-то застыла и, больше не издав ни звука, упала навзничь. Я тут же подогнула ноги, боясь касаться ее даже носком своей обуви, и перекатилась на спину.

Выстрел раздался так близко и громко, словно стреляла я. Тело Вер посерело и покрылось странными ожогами, заставляя тлеть даже полосатую пижаму. Я подняла глаза к разбитому кухонному окну, через которое заскочила внутрь дома и которое было прямо надо мной.

Из него выглядывал ствол автомата, а затем сквозь шум крови в висках и собственное рыдание я расслышала:

– Четыре – два в мою пользу. Выкуси, Барби!

Следом я услышала топот тяжелых сапог, потом еще голоса и скрип входной двери, сорвавшейся с петель. Мое тело содрогалось в панической атаке, такой сильной, что она казалась бесконечной. Взгляд застелила красная пелена – помесь жгучего страха и злости, заставляющая меня дрожать в болезненной судороге прямо на полу кухни с одним-единственным вопросом: «Что это было?»

Я не сразу поняла, что нахожусь в доме уже не одна. Топот нарастал и в конце концов раздался совсем рядом. Я была парализована и слишком ошеломлена, чтобы посмотреть, кто именно меня нашел. Челюсти сводило так сильно, что я не могла даже расцепить зубы, чтобы вздохнуть полной грудью.

– Эй, ты слышишь меня? – незнакомый голос повторял это снова и снова, пока я не посмотрела сквозь просветы в пальцах, прижатых к лицу, и не увидела пронзительные голубые глаза.

Молодой мужчина сидел прямо передо мной и, пока за его спиной тлело чудовищное тело, некогда бывшее моей подругой, крепко обнимал меня за плечи.

– Ты слышишь меня? – снова спросил он, придвинувшись настолько близко, что мой нос обожгло раскаленным жаром, в которое превратилось его дыхание на фоне морозного воздуха. Я постаралась кивнуть, но не смогла. Лишь беспомощно замычала сквозь плотно сжатые губы.

– Меня зовут Крис, – представился мужчина. – А как зовут тебя?

«Джеремия, – снова попыталась ответить я, нервно заморгав. – Меня зовут Джеремия».

– Джейми, – все же удалось произнести мне.

Крис облегченно улыбнулся.

– Хорошо, Джейми. Я отведу тебя в безопасное место, ладно? Ты здесь не одна. Тебя больше никто не тронет, Джейми. Я обещаю.

Я отняла ладони от лица и, снова посмотрев в голубые глаза, мысленно согласилась. Паника перестала душить, вернув мне достаточно самоконтроля, чтобы я приняла протянутую руку Криса и, ухватившись за нее, поднялась на ноги.

Так я познакомилась с тем, кто несколько месяцев спустя *убил* меня.

3. Неспящие

– Она так и не заговорила?

– У нее шок.

– И что с того? Мир суров, надо как-то справляться...

– Она хотя бы не наложила в штаны, как ты при первой встрече с банши.

– Что?!

– Боже, – Крис поднес к лицу руки, одетые в грубые кевларовые перчатки, и до покраснения потер переносицу. – Если хочешь, можешь поговорить с ней. Только вежливо, понятно? Пожалуйста, скажи мне, что ты знаешь значение слова «вежливо»!

– Да пошел ты, Роуз, – фыркнул тот другой, что все это время шел рядом с ним. Поправив висящий на плече автомат Калашникова, он повернулся ко мне.

Именно ему, застрелившему Верити, я была обязана спасением своей жизни. А Крису я была обязана другим – по его наводке они выследили меня, когда я еще мчалась по шоссе от призрачного одеяла. И я действительно молчала все это время. Я просто не знала, что сказать. В полной мере слух ко мне до сих пор не вернулся, и меня беспокоило это гораздо больше, чем чья-то антипатия ко мне.

Спорщику, которого Крис называл Грейс, было от силы лет семнадцать. Удивительно, как Крис терпел такое неуважение, ведь он был гораздо старше. Выглядел он лет на двадцать пять, если не больше, и шел впереди отряда из троих человек, видимо, являясь негласным лидером. С одной стороны от меня брел молчаливый брюнет с понурыми плечами, а с другой – клубничная блондинка с пирсингом. Интересно...

– Джейми, значит? – сухо осведомился Грейс, а затем сплюнул на землю прямо себе под сапог. – Ну что, Джейми, все еще пребываешь в шоке и все такое, да?

Я замедлила шаг. Наверное, не будь здесь еще одной девушки, я бы давно слиняла. Общество с переизбытком тестостерона – самое опасное общество.

– Нет, я не в шоке, – спокойно возразила я, и лицо Грейса вытянулось. Очевидно, я не оправдала его ожиданий, прозвучав даже более уверенно, чем рассчитывала. Крис впереди усмехнулся: он явно мог похвастаться большей проницательностью.

– Ладно, – кивнул Грейс вяло, и я мысленно отметила, что, будь он чуть более тактичным с этим своим взъерошенным ежиком на голове и миндалевидными зелеными глазами, он бы показался мне весьма симпатичным. – Тогда я хочу услышать, зачем ты застрелила тех спящих?

– Прости? – Мне словно дали оплеуху. Я резко остановилась, но Грейс только пожал плечами. – Я никого не убивала! Ты говоришь о той паре наверху, да? С простреленными головами... Но я уже нашла их такими. – И, заметив, как мальчишка весело кивает, громко воскликнула, отчего на нас посмотрели все остальные: – У меня даже пистолета с собой нет! Из чего я могла в них стрелять? Из рогатки?

– Ух как разошлась, – протянул Грейс злорадно. – Знаешь, обычно так оправдываются виновные. А пистолет ты могла успеть бросить куда-нибудь за диван, так что...

– Грейс! – Крис вдруг оборвал его, хмурясь. – Отстань от нее. Ты правда считаешь, что это она сделала? Мы проверили дом, там нет оружия. К тому же трупам как минимум несколько дней. Думаешь, ей доставляло удовольствие ночевать в одном доме с гнилью?

– Может, она некрофилка, – безразлично предположил Грейс и, заметив, как от возмущения у меня раздулись ноздри, улыбнулся. – Слишком много совпадений. Банши тоже никогда не забредали в эту округу, но откуда-то же взялась та рыжая девка...

– Верити, – тихо поправила его я.

– Верити-Шмерити, – передразнил меня Грейс, и я не сразу заметила, как замахнулась на него. Он отскочил. – Плевать, рыжая есть рыжая. Тут что-то не вяжется, Роуз...

– Мы разберемся с этим потом, – голос Криса стал тверже кремня – властный и строгий, отчего напряглась даже я, не говоря уже о том, что Грейс словно по волшебству послушно заткнулся. Наконец-то. – Иди впереди. Тебе ведь нравится быть главным.

Грейс фыркнул, но покорно обошел отряд и повел его дальше, сняв с предохранителя автомат.

– Он не кретин, – первое, что сказал мне Крис, заняв место Грейса рядом с моим плечом. – Да, ведет себя порой как кретин, но не кретин.

– Для кретина он метко стреляет, – хмыкнула я, припомнив три пули, все как одна угловидные прямоком в лоб Вер. От этого воспоминания по коже у меня побежали мурашки. Хорошо, что под одеждой этого не было видно.

– Полагаю, у тебя много вопросов, – медленно сказал Крис.

– Да, есть один, – призналась я и заглянула ему в лицо. – Почему Грейс зовет тебя женским именем?

Крис опустил на меня глаза и, вскинув брови, засмеялся.

Смех у него оказался мягче сахарной ваты, низкий и тягучий, как мед. Этот звук буквально согрел меня. Смех Криса, как и его голос, очень подходил его внешности – выглядел он тоже очень «тепло». Крис был выше меня почти на голову, с темно-русыми волосами, выстриженными на висках. Высокие точеные скулы, покрытые небрежной недельной щетиной, и несколько шероховатых шрамов на лбу. Губы Криса побледнели от холода, и нижняя была в два раза полнее верхней. Когда он перестал смеяться, его взгляд снова стал пронзительным. Возможно, из-за вечно нахмуренных бровей или цвета его глаз... А цвет – настоящий талый лед. Эти глаза были первым, что я увидела, очнувшись от паники в том доме.

– Из всех вопросов ты задала именно этот, – произнес Крис, а затем снисходительно объяснил: – Роуз – моя фамилия. Грейс находит забавным звать меня так, потому что она, как ты и заметила, созвучна с женским именем. Считаю, это мое прозвище. Они есть у всех нас, но ты можешь звать меня Крис.

– Или Роуз, – пожал плечами я.

– Или все-таки Крис, – чуть настойчивее повторил он, отчетливо выдавая свое предпочтение. – А тебя, значит, зовут Джейми?

– Верно. Такое сокращение я предпочитаю от Джереми. Ты тоже можешь звать меня и так, и так, – ответила я и отвернулась, когда вдруг поймала себя на том, что пялюсь на Криса слишком долго. Хотя и не так начнешь смотреть, когда встретишь живых людей, прежде всех их похоронив.

– Тогда перейдем к следующему вопросу, – объявил Крис.

Прежде я отчего-то сдерживалась, ведя себя безмятежно, так, будто мне беспокоиться не о чем. Но в следующую секунду мой мозг взорвался, разлетевшись ровно на такое количество осколков, сколько вопросов у меня возникло. А возникло их до неприличия много.

– Почему Грейс назвал застреленных людей спящими? Это метафора? Зачем кому-то вообще убивать мертвых? Это даже звучит смешно. И что случилось с Верити? Я ведь была уверена, что она тоже умерла. А когда она напала, бормотала что-то про то, что я не сплю... А затем закричала так, что у меня барабанные перепонки едва не лопнули, понимаешь? Словно магия или еще что... Почему вы вообще живы? Где вы были все это время? Я чуть с ума не сошла, пока считала себя последней выжившей! Как вам удалось спастись? Уже известно, что именно произошло? Куда мы идем? Кто ты и эти ребята? Вас много?..

Я тараторила и никак не могла остановиться, а глаза Криса становились все больше и больше. Слова лились из меня неконтролируемым потоком вместо тех слез, которые я глотала вместе с воздухом на протяжении гребанных сорока дней.

– Стоп! – выкрикнул Крис быстрее, чем я успела восстановить сбившееся дыхание и начать с новым запалом. – Так, знаешь, я передумал. Давай договоримся: сейчас ты можешь задать мне всего три вопроса. Я честно на них отвечу, а все прочее выяснишь позже в лагере, заметано?

Я скривилась, но кивнула. Другого выбора у меня и не было, а мое любопытство Крис уже раздражил.

Он поправил снайперскую винтовку на плече и, перескочив через лужу, подал мне руку. Этого хватило, чтобы мою сущность разорвало на две враждующие половины: одна половина ошетижилась, ища в этой вежливости подвох, а вторая растаяла как эскимо. Я приняла руку Криса и, перепрыгнув лужу, продолжила идти дальше.

– Верити, – выдохнула я первое, что пришло мне на ум. – Я хочу знать, что случилось с Верити. Почему она пыталась меня убить?

Крис задумчиво поскреб щетину под подбородком.

– Эта рыжая девушка... Верити то есть. Она была твоей подругой? – Крис сочувственно поморщился. – Видимо, поэтому она и оказалась здесь. Выследила тебя. До сих пор не знаю, как это работает: может, эмоциональная привязанность заставила ее следовать за тобой... В любом случае она не была человеком. И вот, держи.

Крис протянул мне вытасненный из кармана эластичный бинт, и я благодарно кивнула, перевязывая ладонь, уже покрывшуюся кровавой коркой. Я и забыла, что распоролла о стекло руку. Времени на заботу о себе совсем не остается, когда твой мир переворачивается с ног на голову.

– Кстати говоря, про «нечеловека», – начала я осторожно. – Она силой своего крика чуть не свернула мне шею.

– В этом и заключается опасность банши, – пояснил Крис. – Почему еще мы называем их так? Тото увлекается мифологией... Не бери в голову, – отмахнулся он, кивнув на того молчаливого парня сбоку, и быстро продолжил: – Среди них встречаются ужасные гады, так что тебе относительно повезло.

В этот момент Крис передернулся так, словно знал, о чем говорит. Возможно, действительно знал, ведь откуда-то взялись эти отметины на его лице. Такие же были на его груди. Я разглядела их под расстегнутой курткой, когда он наклонился, чтобы завязать шнурки.

– Такие, как Верити, охотятся на таких, как мы. Мы стараемся их истреблять или по крайней мере избегать. В лагере я попрошу кого-нибудь научить тебя этому...

– Как ты так быстро создал лагерь? – спросила я прежде, чем поняла, что только что потратила второй вопрос. Крис ухмыльнулся.

– Не я его создал. Точнее... Мне не хочется так считать.

– Почему?

– Потому что однажды меня нашли точно так же, как сегодня мы нашли тебя, – слабо улыбнулся он. – А лагерь появился чуть позже, и это благодаря общим усилиям и потребности в том, чтобы иметь безопасное место. Все только начинается, Джейми.

– Все? – переспросила я, передернувшись. – Ты о банши?

Крис ускорил шаг, больше не глядя на меня.

– Банши – меньшая из неприятностей нового мира.

– А что тогда большая? Разве может быть что-то хуже?

– Ты не заметила, что уже дважды превысила лимит вопросов?

Глядя, как я насупилась, Крис вновь хохотнул. Интересно, он специально ввел меня в заблуждение, чтобы я завалила его самыми никчемными и второстепенными вопросами? В то время как самые важные остались без ответа.

– Я ведь совсем не знаю вас, – озвучила я, резко остановившись. Остальные продолжили идти, словно не заметив этого, хотя я догадывалась, что они просто решили предоставить эту проблему – меня – своему лидеру, вынужденному остановиться тоже.

– Так и есть, – признал Крис. – А мы не знаем тебя. Откуда взяться уверенности, что Грейс не прав и это не ты убила тех спящих?

– Ты же только что был на моей стороне! – воскликнула я.

– Да, я просто нашел в себе смелость доверять тебе. А ведь мог и не найти, знаешь...

Я закатила глаза.

– Ладно-ладно! Я поняла. Мы в равном положении, хорошо, – пробормотала я, тут же заметив победную гримасу Криса и то, как он уже приготовился нагнать группу, ушедшую от нас далеко. – Но я хочу узнать кое- что еще...

– Лимит, Джейми, лимит.

– Почему вы называете трупы «спящими»?

Крис так и не сдвинулся с места, ошеломленный. Но быстро смягчился, как только, видимо, вспомнил, что так до конца и не посвятил меня в тайны этого, как он выразился, **«нового мира»**.

– Потому что это летаргический сон. Они не трупы, – ответил он и, не дав мне осмыслить это, добавил: – Они живы. И они действительно всего-навсего спят, Джейми, а удел «неспящих» вроде нас – дожидаться их пробуждения.

4. Мы Здесь Выживем

Честно сказать, не раз слыша из уст Криса слово «лагерь», я представляла себе нечто грандиозное. В моем понимании лагерь выживших – это бронированные дома, хранилище оружия, больница, тренировочный полигон... Все в духе голливудских фильмов. Но какие фильмы, когда речь идет о реальности?

В жизни это был не бункер и даже не каменные сооружения. Обычные шатры, неаккуратно разбросанные по местности. Ткань на них выцвела или была прожжена сигаретными бычками. В бывших игровых палатках расстилались жилые места – достаточно большие, чтобы внутри даже уместились металлические постели, рассчитанные на несколько человек. Кухню оборудовали прямо на улице под навесом колеса обозрения, а лазарет, в который меня впихнули в первую очередь, представлял собой дешевый фургон, где раньше продавали лакрицу и попкорн.

Это и был лагерь. Последний оплот человечества, сосредоточенный в сельском парке аттракционов, заброшенном еще задолго до Сна.

– Добро пожаловать в МЗВ, – улыбнулась очаровательная седая женщина, стоило мне только пересечь порог «медицинской лачуги». Я вздрогнула с непривычки, еще не до конца усвоив, что мне больше не нужно записывать свой голос на диктофон, чтобы с кем-то поговорить.

– МЗВ? – переспросила я.

Женщина сделала пометки в блокноте и жестом велела мне присесть на кушетку, расположенную в углу.

– **Мы Здесь Выживем**, – произнесла доктор, и я не сразу поняла, что это и есть расшифровка непонятного «МЗВ». – Так мы назвали лагерь после того, как Крис собрал первую группу. Это ведь он привел тебя сюда? – В глазах женщины читалась такая уверенность, что мне не потребовалось отвечать. – Крис собрал всех нас. Меня зовут доктор Миловски, но ты можешь звать меня Мэл.

Женщина подошла и пожала мне руку. Хватка у нее была слабой, пальцы костлявыми, а кожа по-старчески черствой и дряблой.

– Мэл Миловски? – насмешливо уточнила я. – Прямо писательский псевдоним. Или это прозвище, которое придумал Грейс? Крис говорил, он всем их тут дает.

– Ах да, – Мэл кивнула и отпустила мою руку. – Меня он сначала прозвал Ватой, но так как я единственная, у кого есть препараты от его аллергии на пыль, которая здесь повсюду, ему пришлось уступить мне и согласиться на Мэл. Раньше я была ветеринаром, так что умею приструнивать буйных щенков.

Все, что я услышала из этого, было слово «ветеринар». И от того, что бывший ветеринар, натянув латексные перчатки, взялся за шприц, мне вмиг сделалось не по себе.

– Что это? – я скукожилась и скатилась на край кушетки, когда Мэл, перетянув мою руку резиновым жгутом, уже занесла над ней иглу.

– Не бойся, – мягко улыбнулась она, но (удивительно!) я продолжила бояться. – Я просто возьму анализ крови. Наш местный... г-хм... исследователь, Франки, просил доставлять ему любые свежие образцы. Он слегка на голову ушибленный, но... Вдруг случится чудо Господне, и твоя кровь окажется полезной?

Я успела лишь ахнуть, как игла вошла под кожу, а уже спустя несколько секунд вынырнула обратно. Колба наполнилась багровым. Вена продолжила кровоточить, но, быстро заткнув прокол спиртовой ватой, доктор наградила меня снисходительным взглядом и развязала жгут.

Вата.

Кажется, я поняла, почему Грейс предложил ей такое прозвище. Жаль, что она отказалась. Ей бы пошло, потому что вату она напоминала и внешне: у Мэл были белокурые завитки волос и рыхлые черты лица с пухлыми щеками. Фигура ее была не менее округлой.

– Мне нужно заполнить твою анкету, – объяснила она, устроившись в кресле напротив, и разложила на коленях свой блокнот, вооружившись черной гелевой ручкой. – Отвечай честно, хорошо? – Я кивнула, и Мэл начала: – Твое полное имя?

– Джереми Рейс.

– Сколько тебе лет?

– Девятнадцать.

– Есть проблемы со здоровьем? Хронические заболевания?

Я задумалась.

– Сейчас нет, но в детстве, когда передала цитрусовых, вся физиономия раздувалась. Это считается?

– Считается, – Мэл черкнула по бумаге. – Сколько банши ты убила?

Я опешила и, посмотрев на Мэл в надежде, что мне послышалось, нервно сжала в кулак пальцы. От этого вата на сгибе моего локтя покраснела, пропитываясь кровью. Вспыхнувшие воспоминания о Верити заставили горло предательски сжаться.

Доктор придвинулась и мягко накрыла мое запястье своей ладонью. Я бы сочла это нарушением моего личного пространства, но пальцы у нее были такими теплыми, а я так сильно соскучилась по этому теплу, что замлела.

– Ты вообще убивала банши? – тихо спросила она. – Крис должен был рассказать, что мы зовем так тех, кто...

– Да-да, рассказал, но... Нет, не убивала. Я встречала только одного, и то ее убила не я, а Грейс. И эта банши когда-то была моей лучшей подругой, так что...

Мэл жалостливо зацокала языком и отпустила мою руку, вернувшись к блокноту. Снова мимолетная пометка – и вот она уже встала с кресла, чтобы обернуть этим листком ампулу с моей кровью. Я успела заметить, что бланк наполовину не заполнен, но, видимо, Мэл решила оставить меня на сегодня в покое. Мысленно я поблагодарила ее за это.

– Надо будет подготовить тебя.

– Подготовить? – Я снова нахмурилась, кажется, уже в сотый раз за день. – Как стейк с кровью или рагу? Что значит «подготовить»?

– Семеро из нас посменно охраняют лагерь, – принялась монотонно рассказывать Мэл. – Другие четверо отвечают за вылазки и разведку. Один следит за теми спящими, что были нашими родными и которых мы забрали с собой. Остальные занимаются бытовыми вопросами. Завтра посмотрим, где ты можешь пригодиться нам больше всего...

– Но завтра я ухожу.

Мэл не стала оборачиваться, но удивленно затихла.

– У меня семья в Орегоне, – шепотом объяснила я. – Я пришла сюда, чтобы немного отдохнуть, поболтать с людьми, собрать припасы. Только и всего.

– Ты не найдешь семью, – равнодушно отозвалась Мэл, поправляя упавшие на лицо волосы. – Потому что не сможешь преодолеть и половины пути до Орегона в одиночку. Банши мигрируют, отслеживают неспящих, питаются ими. Хочешь знать, как тебе найти семью? Никак. Впору искать новую семью, Джереми. Мы вот уже нашли.

Говоря мне все это, Мэл не моргнула и глазом. После секундного затишья она продолжала сосредоточенно возиться с бумагами. Голос ее больше не напоминал мне о вате: холодный, решительный, он рубил любую правду, как ледокол. И эта правда, как и секира ее слов, оказалась весьма болезненной.

– Куда ты? – услышала я себе вслед, выходя из фургона. – Я еще не осмотрела твой порез.

– Делайте с моей кровью что хотите, но лично я ухожу.

Эти слова дались мне не так просто. От перспективы снова оказаться один на один с тишиной леденела кровь. Мне показалось, что в спину себе я услышала смешок, но уже спустя секунду поняла, что не показалось, когда услышала еще и это:

– Завтра в девять утра кто-нибудь из наших ребят зайдет за тобой. Постарайся не пропустить.

Я надменно фыркнула и, поправив рюкзак, завернула за угол вагончика. К нашему приходу в лагерь на улице уже стемнело, но я решительно шагала к воротам, когда вдруг ударила носом о грудь Криса Роуза.

– Что с тобой?

По моему лицу растекался жар, и даже северный ветер не мог умалить его. В груди кололо от гнева, а глаза... глаза щипало от тоскливого осознания: я действительно вряд ли доберусь до семьи. Осилить путь через леса и банши без оружия, в одиночку до самого Орегона, а потом и до Невады, до своего брата Эшли. О чем я только думала?

– Джейми!

Я опомнилась и задрала лицо вверх. И в чувства, и в замешательство меня привела хватка сильной руки, обвинившей мою талию, чтобы удержать на месте. Я тут же вырвалась и отпрянула, уставившись на Криса.

– Не трогай! – огрызнулась я, и Крис мирно поднял руки над головой.

– Куда ты собралась? – поинтересовался он дружелюбным тоном, обходя меня по кругу так, чтобы отрезать путь к воротам.

– Куда угодно, лишь бы подальше отсюда, – проворчала я, смотря на него исподлобья. – Куда ты меня привел?! В тюрьму? Хочешь, чтобы я стала одной из твоих подчиненных, прошла подготовку и дальше собирала мир по кусочкам? Для этого вы меня спасли? Надо было сначала меня спросить! У меня и свои планы есть. Так что уйди с дороги и...

– Тихо!

Это прозвучало как командирский приказ, а не как просьба. Так всегда говорил со мной отец, строя из себя самодержца, стоило мне перебрать пива на школьной вечеринке.

– Не знаю, что там тебе наговорила Мэл, у которой язык как помело, – приглушенно заговорил он, успокоившись. – Но у нас лагерь, а не тюрьма. Нам просто нужна помощь, Джейми. Любая помощь. И если ты сейчас уйдешь, это будет как минимум... некрасиво.

– Некрасиво?!

Крис переступил с ноги на ногу, так как будто действительно был смущен. Но только «как будто».

– Ты нам обязана.

– Да пошел ты!

Я решительно шагнула вперед, искренне веря в то, что вот-вот ударю его по лицу, каким бы прелестным оно мне ни казалось. Заподозрив это, Крис снова вскинул руки ладонями вверх и попятился. Теперь голос его звучал гораздо мягче:

– Мы спасли тебе жизнь. Я, Грейс, Барби и Тото. Помнишь?

– Помню, – процедила я.

– Услуга за услугу, Джейми.

– Я не просила ни о какой услуге и уж тем более не соглашалась брать ее в кредит.

– Но взяла.

– Хочешь, выскажу тебе свою благодарность сломанным носом?

Крис хихикнул, и его серьезности поубавилось. Мгновенно расслабившись, он снова подошел ближе, а я инстинктивно подалась назад – как два магнита с одинаковыми полюсами, отталкивающиеся друг от друга.

– Почему ты так категорична? – вдруг спросил он, и я едва не прыснула со смеху, поражаясь тому, как он додумался спросить о таком. – Дело даже не в плате за спасение. Я сказал

так, чтобы заставить тебя задуматься... Сама поразмысли: здесь безопасно, много людей, тут ты найдешь полезное для общества занятие. У нас ты выживешь, понимаешь?

МЗВ. Точно. Черт бы его побрал!

– В чем смысл выживания, если я позволю своей семье умереть? – И, поймав на себе многозначительный взгляд Криса, я неохотно добавила: – Если они еще не мертвы, конечно.

– Если и впрямь нет, – прошептал он, – то ты всегда успеешь к ним вернуться. Либо они спят, либо обратились в банши. И Мэл до сих пор не осмотрела твою руку, – он кивком указал на мою неуклюже замотанную ладонь, и я тут же спрятала ее за спиной. – У тебя травма, нет оружия и нет никаких сил, включая моральные. Побудь с нами хотя бы неделю, а дальше решишь, заметано?

Я должна была признать, что в речах Криса таился некий соблазн. Почему-то он очень хотел, чтобы я осталась, и от этого остаться хотелось и мне. Полные губы, обаятельная улыбка... Я чувствовала, что вот-вот сломаюсь и дам слабину. Заметив это, Крис ловким движением стянул кевларовую перчатку и протянул мне правую руку в знак доверия. Кожа у него оказалась чуть шероховатой, а пальцы горячими – я почувствовала все это тогда, когда все же пожала ее в ответ, приняв решение, желанное сердцу, но отвратное рассудку.

– Заметано.

5. Изумрудный город

Я не помню, как Тото – непричесанный молчаливый брюнет, который вечно бежит за Крисом, как собачонка (не потому ли его прозвали Тотошкой?) – проводил меня до корпуса с душем. Вода приятно окатывала тело, отвыкшее от хороших условий и чистоты. В первые минуты она без конца окрашивалась подо мной в грязно-коричневый цвет с алыми проблесками – остатками запекшейся крови Верити и немного моей собственной. Тугая повязка с терпкой мазью на руке, которую я все-таки позволила наложить Мэл, мешала мыться, но душистое лимонное мыло меня раздобрило. Божественный запах!

Чем светлее становилась моя кожа под воздействием мочалки и пены, тем больше прояснялся мой разум. Вместе с грязью я будто избавлялась от ненужных мыслей.

«Ни о чем не беспокойся. Наслаждайся цивилизацией, пока можешь. Ты найдешь семью. А сейчас просто расслабься».

Сложно было сказать, когда я принимала нормальный душ в последний раз, не считая ванны, набранной из дистиллированных бутылок. Сейчас вода тоже шла с переборами, – прохладная с совсем холодной, холодная с кипятком, – но все-таки это был настоящий душ. С тем самым цитрусовым мылом, шампунем и махровым полотенцем, в которое я завернулась после того, как окончилось мое получасовое омовение.

Переодевшись в чистую одежду, я в счастливом беспомыслии дошла до палаток. К тому моменту стояла уже глубокая ночь, и я добиралась на ощупь. Упав без разбора на первую же кровать, я обняла подушку и молниеносно уснула.

Еще никогда я не спала так крепко, особенно в окружении незнакомых мне людей. Все испортила лишь вспышка боли, от которой я проснулась. Лоб, от висков до самого затылка, горел огнем.

– Ой! – вскрикнула я, тут же распахнув глаза. На моем животе лежал кулек с печеньем, ананасовым соком и крекерами, прилетевший мне прямо в голову.

– С добрым утром, – хмыкнула Барби, стоящая в центре палатки со скрещенными на груди руками. – Это моя постель.

Я сонно сощурилась и, приняв сидячее положение, проследила за взглядом Барби. Она смотрела аккуратно на ту постель, что я заняла ночью в полуобморочном состоянии.

– И поэтому надо швыряться в меня завтраком? – буркнула я, растирая ноющий лоб. – Извини. Я не знала. К сожалению, экскурсия не входила в мой вчерашний урок по правилам постапокалиптического мира.

Барби поморщилась и проигнорировала замечание. Я встала, смяв под собой одеяло, и невольно засмотрелась на него. Розовое с вышитыми ромашками. Переносицу наполнил цветочный аромат. Блондинка с именем Барби и розовым одеялом...

– Уже девять утра, – нарушила она ход моих мыслей. – Грейс ждет тебя снаружи. У тебя есть пятнадцать минут на завтрак. Поторопись!

Сверкнув на меня сапфировыми глазами, Барби направилась к выходу из палатки. Прямой хвостик на затылке, в которой были затянуты ее волосы, вилял из стороны в сторону на каждом шаге. Прежде я не приглядывалась к ее лицу вблизи, но теперь же заметила: ни грамма косметики, но и без того чистая кожа, броские черты. Виски с обеих сторон выбриты, а перегородку заостренного носа украшало маленькое колечко.

– Обычно она милая, честное слово!

От неожиданности я едва не пролила на себя пакетик с соком. У третьей кровати в палатке стояла миниатюрная златовласая девушка с огромными глазами карего цвета и круглым лицом, похожим на персик.

– Меня зовут Флейта, – застенчиво улыбнулась она. – И да, отвечу сразу: я играю на флейте. Я бы и тебе как-нибудь сыграла, но в прошлый раз Барби чуть не бросила мой инструмент в костер...

– Флейта, – эхом повторила я, позабавленная. – И после этого ты говоришь, что Барби милая?

Флейта засмеялась в ответ и пожала плечами.

– Ну, по крайней мере, она старается... Если не спать на ее постели.

– Это была случайность, – смущенно оправдалась я и, распаковывая пакетик с крекерами, пересела на другую постель, уже точно свою. – Слишком устала и не посмотрела, куда ложусь. Все очень плохо, да?

– Думаю, да, – Флейта села рядом. – Но так как нас тут и без того мало, а тебя притащил сюда сам Роуз, она вряд ли будет долго ерничать.

В животе урчало. Стоило на язык упасть первому крекеру, как мой желудок взвыл еще громче. Я принялась есть и спросила Флейту с набитым ртом:

– Почему?

– Барби влюблена в Крису, – поделилась Флейта с такой непринужденностью, словно эта новость была у них на повестке дня. Я поперхнулась. – А так как Крис у нас очень заботливый, Барби это разделит и будет заботиться о тебе тоже. Скоро она станет плюшевой, как мишка из сувенирного магазина, вот увидишь.

– Ладно, – озадаченно сказала я. – А... Напомни, зачем Грейс меня ждет?

– Чтобы пристроить тебя куда-нибудь. – Флейта принялась заплетать длинные русые волосы в шелковистую косу. От зависти я едва не задохнулась: как, черт побери, в таких условиях ей удалось сохранить их такими красивыми?! – Я, например, готовлю еду по нечетным дням и мою посуду.

«Прекрасное занятие после конца света», – саркастично подумала я, но промолчала, дожевывая крошки со дна упаковки.

– И давно ты здесь?

– Почти с самого начала.

– Одна?

Лицо Флейты резко помрачнело, и я пожалела, что спросила это. Оставив косу наполовину распущенной, она встала и начала заправлять свою постель, лишь бы не смотреть на меня.

– Да. У меня нет родителей. Только старший брат, но он живет в Айдахо. Точнее, жил.

Отставив допитый пакетик сока на тумбу, я поднялась и поправила на себе одежду.

Прежде чем выйти из палатки, я все-таки сказала:

– Я тоже.

– Что «тоже»?

– Я тоже одна.

Флейта отвлеклась от сворачивания одеял и грустно улыбнулась уголком губ.

Во славу закона подлости, из всех шестидесяти человек, живущих в лагере, протестировать меня отправили именно того, кому я действовала на нервы. Грейс ждал меня возле медицинского фургона и выглядел, мягко говоря, недовольно.

– А вот и подружка банши! – воскликнул он сразу, как завидел меня. – И часа не прошло.

– Я завтракала.

– Поздравляю, а я вот нет. Поэтому давай поскорее определим тебя куда-нибудь и разойдемся, лады?

Грейс развернулся на каблуках военных ботинок, которые выглядели так, словно были велики ему как минимум на пару размеров, и быстро засеменил вглубь лагеря. Растерявшись от его прыти, я поспешила следом.

– Я тебе не нравлюсь? – прямо спросила я, пока Грейс пялился в свою книжку, старательно делая вид, что меня не существует.

– Мне никто не нравится, – ответил он и, оторвавшись от чтения, вдруг загляделся на что-то. Этим «чем-то» был зад Барби, что делала разминку посреди поля. Да, она выглядела великолепно. Безупречно стройная и подтянутая, она, кажется, могла бы даже сделать двойное сальто в воздухе, если бы только кто-то попросил. К ее очевидному сожалению, никто этого не делал. Платиновые волосы вились, еще влажные после душа. Будь я семнадцатилетним подростком, каким был Грейс, я бы тоже утонула в слюнях. К счастью, я была девятнадцатилетней девушкой, поэтому только закатила глаза.

– Никто не нравится, говоришь? – подмигнула я ему лукаво. – Даже Барби?

Грейс покраснел и вмиг сделался серьезным, как прежде. Это мило контрастировало с его детской неряшливостью и спортивной формой.

– Барби тем более, – пробормотал он. – Мы соперники. Вчера я убил своего четвертого банши, а на ее счету только два. Бесится небось, ха.

Я прижала ко рту кулак, сдерживая смех.

– Для соперничества ты слишком много думаешь о ее чувствах, – заметила я. – Вот только подожди... Сколько ей лет? Двадцать?.. Двадцать пять?

– Двадцать два, – выпалил Грейс, не подумав. Встрепенувшись, он впился в меня таким взглядом, что всякое веселье тут же угасло: – Я уже начинаю жалеть, что прикончил ту банши раньше, чем она тебя слопала.

– Я же шучу, Грейс.

– А я нет.

Почему-то, невзирая на «ежистый» характер (прямо как его прическа), Грейс вызывал умиление. Наверно, моя сестра Джесс была бы такой же, родись она парнем.

– Я, кстати, так и не поблагодарила тебя за спасение.

– В смысле?

Грейс остановился, и я постаралась сгладить его недоверие своей улыбкой.

– Это же ты застрелил Верити... Банши то есть. Спасибо.

Самолюбие – уязвимое место всех мужчин, и Грейс не был исключением.

– Только не вздумай распускать нюни, новенькая, – бросил Грейс как можно более небрежно, снова сделавшись пунцовым, и пролистал свою книжку. – Ладно, пора подыскать тебе вакантное местечко.

* * *

– Поздравляю! Теперь можно официально объявить: ты самое бесполезное существо на свете, Джереми Рейс.

Я тяжело опустилась на скамью, глядя на Грейса, ходящего передо мной взад-вперед.

– И что мне с тобой делать? – взвыл он удрученно. – Ты абсолютно ничего не умеешь! Ни готовить, ни стирать, ни охотиться, ни оказывать первую помощь... Я даже боюсь назначать тебя помощником Франки, хотя там всего-то и нужно таскать колбы да карандаши. Ты ведь угробишь его лабораторию, которую мы и так сооружали целый месяц! – Грейс неприлично выругался, утомленно массируя виски. – Как ты вообще выжила?

Действительно: как? Ведь Грейс был прав: мы прошли по всем ответственным пунктам, где в лагере было место. От строительства ограждения до кухни – и ничего из этого не подходило. Я боялась крови, у меня с легкостью мог подгореть даже салат, и я запросто могла сжечь душевую – и для этого мне даже не нужно было встать с постели.

Это выглядело отличным поводом уйти из лагеря и отправиться в Орегон. Но я не успела озвучить это на радость Грейса, как отвлеклась на Тото, идущего мимо со снайперской вин-

товкой на шее. Почти такая же была у Криса. А еще на траве рядом с Барби, когда она тренировалась, лежал «люгер». Из-под рубашки Грейса же торчал серебристый револьвер... У всех четверых было оружие, которое понадобится и мне.

– А что насчет того, чтобы присоединиться к вам? – озарило меня. – К разведке или охране. К таким, как ты, Крис, Барби...

Я не смогла закончить, потому что Грейс громко расхохотался.

– Ты новенькая, Джейми. Тебя здесь никто не знает и не доверит носить оружие. К тому же ты едва ли умеешь стрелять...

– С чего ты решил, что не умею?

Брови Грейса многозначительно поползли вверх.

– Потому что твоему умению не уметь ничего позавидовала бы даже амеба.

С этим было не поспорить. Но если бы у меня появилось оружие... Оно повысило бы мои шансы. Смогу ли я тогда дойти до Орегона невредимой?

– Оставь эту затею, – сказал мне Грейс, будто читал мои мысли. – Ничего не получится.

Но он был не прав. Я увидела Криса Роуза, возвращающегося из леса с охоты, и придумала. Подорвавшись со скамьи, я побежала к нему под протестующие возгласы Грейса.

– Надо поговорить!

Крис замер, заинтригованный, и я протараторила:

– Я хочу быть в вашей команде... В смысле, в твоей. Хочу ходить на вылазки, заниматься охранной и бла-бла-бла. Я все равно больше ни на что не гожусь.

– И что заставило тебя думать, что ты сгодишься в самом ответственном деле МЗВ? – недоуменно спросил Крис. – Для «бла-бла-бла» и защиты?

Я сдержанно кивнула. Я не видела Криса со вчерашнего дня и, застав его сейчас, словно разглядела по-новому.

Голубые глаза. Терпкий, морозный запах с примесью лосьона после бритья и мандаринового шампуня. Им пропиталась кожа Криса настолько, что я ощущала его даже на расстоянии вытянутой руки. Шероховатые отметины на лбу и под шеей, грубые ладони в не менее грубых перчатках.

Меня осенило. Я осталась здесь потому, что мне понравился Крис. Еще не знаю, в каком контексте: как человек, как лидер или как мужчина. Осознание этого пошатнуло мою уверенность, но, медленно выдохнув, я сосредоточилась.

– Не могу, Джейми, – как можно тактичнее произнес он. – Это против правил. Да и кто может гарантировать, что ты не прострелишь себе колено в первый же день?

– Я умею стрелять! – решительно соврала я. – По крайней мере, я быстро учусь. Кстати, экспериментально доказано, что женщины – лучшие стрелки! Все дело в умении правильно ставить руку...

Выражение лица Криса неожиданно смягчилось, но не в том смысле, в каком бы мне хотелось. Он выглядел так, будто игрался с новорожденным котенком, и, очевидно, совсем не воспринимал меня всерьез. Это распалало лишь больше.

– Сможешь попасть в тот пень хотя бы один раз из трех – и ты в команде.

Мне в руки ткнулась перезаряженная винтовка Криса. Я обомлела от тяжести оружия, когда все-таки неуверенно переняла его.

Снайперка, казалось, весит целую тонну. Я направила ее в сторону пня, на который указал Крис, примеряясь. Двенадцать метров...

– Один шанс, Джейми, – шепнул мне на ухо Крис, и я покрывалась мурашками, когда он склонился ко мне, помогая занять нужное положение почти в полуприседе. – Другого не будет, поняла? Исключение из правил может быть только одно – если ты действительно что-то можешь.

«Еще увидишь, что я могу!» – импульсивно застучало в голове, и я сжала винтовку крепче, а затем прицелилась.

Выстрел.

Плечо дернулось от отдачи, но боль оказалась терпимой. Пуля пролетела мимо, не задев пень, но подняв в воздух облако из ошметок травы.

Крис, отступив в сторону, сложил руки на груди. Я затаила дыхание и снова выстрелила. Мимо.

«Ну же, последний шанс, Джейми. Один из трех. Ну!»

– Мне жаль, – произнес Крис спустя секунду после того, как третья пуля угодила в забор. Я оцепенела, и поэтому Крису пришлось буквально вырывать винтовку у меня из рук. – Уверен, в нашем лагере найдется еще тысяча мест, где ты можешь пригодиться.

Я нервно ухмыльнулась, подавляя ком стыда и обиды, лишивший меня дара речи. Если бы Грейс только слышал это... Думаю, он бы рассмеялся громче, чем визжала Верити в тот роковой день.

– Увидимся на ужине, Джейми, – улыбнулся Крис и, больше ни разу не взглянув на меня, возобновил дорогу к своей палатке.

– Кажется, я подобрал для тебя кое-что, – с легкой ноткой издевки произнес Грейс, вдруг очутившись рядом. – Пойдем, взглянешь.

6. Маленький принц

– Кретин!

Я швырнула в кучу мусора пакет, набитый грязными обертками и бумагой, и пылко продолжила:

– Сам ты амеба!

Флейта невольно улыбнулась, усердно натирая кастрюлю в умывальнике, обустроенном возле журчащего водоема на границе лагеря.

– Вижу, вы с Грейсом сдружились.

Я хлопнула рукой по пенной воде, которая набралась в раковине до краев, и отшвырнула очищенную миску в тазик таких же чистых мисок, число которых здесь, кажется, уже перевалило за сотню.

– Ненавижу эту работу! И, что самое главное, Грейс избегает меня, чтобы я ее не сменила. Как ты вообще здесь держишься?

Флейта тяжело вздохнула. Вот уже четвертый день ей приходилось выслушивать мое нытье, а мне – помогать ей убираться после завтрака, обеда и ужина. Мало того что это попахивало сексизмом, так еще и кожа на ладонях начала слезать от жесткой щетки, которой приходилось драить посуду. Почему я до сих пор не убралась из этого лагеря?

– Я шведка, – ответила Флейта невозмутимо, убирая в стопку еще одну сверкающую блеском кастрюлю. – Могу ругаться на всех на шведском, никто и не поймет. Это меня спасает.

– Шведка? А я все думала, почему ты иногда картавишь...

– Я картавлю, потому что это заводит парней, – Флейта усмехнулась, и, действительно, ее речь тут же сделалась обыкновенной, как у среднестатистической американки из Джерси. – А вообще я родилась в Нью-Йорке.

– Но когда нужно, ты шведка, – подхватила я саркастично. – Удобно.

– И ведь это работает! Взгляни, что мне подарил Тото, – восторженно залепетала (снова со шведским акцентом) Флейта. Она покрутила у меня перед лицом маленьким зеркальцем из переливающейся бронзы, исписанным рисунками заморских птиц. – Он принес его со вчерашней вылазки. Сказал, что такая красивая вещь должна принадлежать не менее красивой девушке... Ну, понимаешь, да?

Я засмеялась. Флейта была моей ровесницей, но удивлялась всему так наивно, будто ей лет восемь, и то с натяжкой. Порой их отношения с Тото были такими сладкими, что я боялась подхватить сахарный диабет.

– Давно вы с Тото встречаетесь? – спросила я, отмывая половник от дешевого подсолнечного масла.

– Наверное, с самого начала. Крис нашел нас обоих в один день. Мы бродили в радиусе двух километров друг от друга, но ни разу не встретились... Знаешь, как метко Тото стреляет? Один раз на лагерь набрел банши. Крис уже спал, поэтому Тото выхватил его винтовку и прикончил тварь одним выстрелом с нескольких ярдов. С тех пор он в разведке. Тото даже мне не говорит, где такому научился.

«Иксброк», – подумала я, но Флейта все равно влюбленно выдохнула:

– Я им горжусь!

Я опустила половник, крепко задумавшись.

– Он правда настолько хорош в стрельбе?

– Конечно! Между прочим, это он научил стрелять Грейса, который затем спас тебе жизнь. У Тото прирожденный талант...

– Значит, и меня научить сможет?

Флейта свалила рукой кастрюлю, и те нырнули в умывальник.

– Научить стрелять? – спросила она растерянно. – Ох, только не говори, что ты все еще переживаешь за тот случай с Крисом! Ну, подумаешь, не взяли тебя в отряд. Зачем тебе это? Бегать с автоматом наперевес – удел самовлюбленных мальчишек. Мыть посуду не так уж и плохо... Хотя бы безопасно.

«К черту безопасность, когда меня принимают за клушу», – подумала я, но промолчала.

Флейта была права лишь в одном: это безобидное занятие позволило моей раненой руке почти полностью зажить. А еще я отдохнула, набралась сил и была готова совершать подвиги.

«И попытаться сблизиться с Крисом».

От собственных мыслей я зарделась. Вернув себе спокойствие, я взглянула на Флейту и кивнула, на что снова услышала:

– Значит, ты хочешь остаться с нами? – Флейта смыла с рук пену и вздохнула. – Я знаю, что ты хотела уйти через какое-то время... Но, раз хочешь в команду Криса, ты решила здесь задержаться, так ведь?

Я поджала губы, чувствуя себя так, словно вот-вот собиралась разрушить веру ребенка в Санта-Клауса.

– Нет, я все еще хочу уйти. Просто мне нужно оружие, чтобы было чем защищать себя по дороге. Пули, навыки.

Флейта заметно помрачнела, и я почувствовала себя виноватой. Вероятно, это грубо – напрямик сообщить ей, что я собираюсь эгоистично воспользоваться ее друзьями. Но отец всегда говорил мне: «Честность все дороги открывает».

– Так ты поможешь мне?

Флейта перекрыла вентиль в умывальнике и, напряженно кусая внутреннюю сторону щеки, вытерла руки о футболку.

– Иди по тропе, что за медицинским фургоном Мэл. Чуть дальше него церковь – аттракцион ужасов. Тото обычно сидит там. Если ты скажешь, что это я предложила тебе обратиться к нему, возможно, он согласится.

– А ты со мной не пойдешь?

– Нет.

Просить о большем было бы наглостью с моей стороны. Тем более Флейта, кажется, обиделась. Но я все равно благодарно улыбнулась и, накрыв чистой рукой ее плечо, сказала:

– Спасибо тебе. Быть может, когда я дойду до Орегона, то загляну и в Айдахо.

Лицо Флейты вспыхнуло, и взгляд ее сделался оживленным. Возможно, я действительно попытаюсь отыскать ее брата, когда найду своего. Услуга за услугу.

Я дошла до деревянной церквушки, о которой говорила Флейта, всего за пять минут. Она находилась глубоко в лесу, в стороне от палаток и колеса. А рядом неподвижно стоял часовой – мужчина старше Криса с дробовиком. Я прошла в здание молча. Это было немного жутко: кем нужно быть, чтобы додуматься обустроить туннель ужасов под видом церкви?

Внутри оказалось светло. Кругом стояли электрические свечи и скамьи. Вдоль них лежали большие пергаментные свертки. *«Спящие, что были нашими родными и которых мы забрали с собой»*, – сказала мне Мэл. Этими свертками, упокоенными рядами, были живые люди. Или почти живые. Мужчины и женщины разных возрастов, разного телосложения, расы... Они просто спали – беспробудно, тихо лежали по углам, как часть декора. Лица некоторых были приоткрыты, и я отвернулась, чтобы не видеть их.

У дальней стены стоял искусственный алтарь. Завороженная такой заботой о Телах и ее же извращенным проявлением, я сглотнула и медленно прошла до сидящего у алтаря Тото.

Он читал книгу. Судя по разноцветной обложке, что-то из детских сказок вроде «Маленького принца» Сент-Экзюпери. Тото выглядел таким увлеченным и погруженным в себя, что мне вдруг стало стыдно вырывать его из пелены грез. Как ему удастся забыться в окружении полутрупов?

– Тото?

Он вздрогнул и поднял на меня глаза – большие и оленьи, как у Флейты, только серые. Кажется, они были даже похожи – оба застенчивые и спокойные. Хотя, пожалуй, это их единственные общие качества.

– Что ты здесь делаешь?

Я едва не шарахнулась от его голоса. Низкий, утробный... Совсем не сочетающийся с дурашливой, лохматой внешностью. Прочистив горло, я как можно веселее ответила:

– Помолиться пришла.

– Это бутафорская церковь, – хмыкнул он, кивком указывая на портрет Дракулы и окровавленную морду оборотня, повешенные на стенах. – Это аттракцион-страшилка.

– Что, правда? А я подумала, что развешанные снаружи скелеты – бывшие священнослужители.

Тото посмотрел на меня так, что стало понятно: сарказм ему чужд, как и черный юмор. Не хватало только стрекота сверчков на фоне. Испугавшись, что он вот-вот отправит меня восвояси и вернется к книге, я призналась:

– Флейта сказала, ты стреляешь лучше всех в лагере... Советовала обратиться к тебе, чтобы ты и меня научил.

Я почти зажмурилась, ожидая, что Тото станет глумиться. Но вместо этого он опустил голову и, вперив озадаченный взгляд в книгу, покачал головой.

– Роуз будет против.

– Но Флейта обещала, ты поможешь...

Нет, Флейта ничего не обещала. Однако ее имя действительно имело на Тото колоссальное влияние: плечи его расправились, сосредоточенное на чем-то далеком лицо разгладилось, а уголки вечно опущенных губ тронула улыбка.

Тото закрыл лежащую на коленях книгу и испустил обреченный стон.

– Я учу только из снайперской винтовки.

– Да, замечательно!

От возбуждения мой голос сорвался на писк, и Тото, кажется, усомнился в собственном решении. Вздохнув, он поднялся на ноги и, окинув непонятым мне взглядом лежащие в церкви тела, двинулся к выходу.

– Отстрелишь себе пальцы – скажу Мэл выдать тебе иголку, будешь пришивать сама, – буркнул Тото, прижимая к груди книжку задней стороной, чтобы ни я, ни стоящий у ворот часовой не разглядели обложки. И все-таки я узнала то сплетение звезд вдоль пергамента, которое выучила наизусть еще в начальной школе...

Действительно *«Маленький принц»*.

7. Франкенштейн

Делать вид, что я не замечаю самодовольного счастья в глазах Тото, когда он осуждающе качает головой, берет снайперскую винтовку в руки и наглядно показывает, как надо, – это едва ли не труднее, чем учиться стрелять.

Тото изо всех сил старался показать мне, как утомительно быть моим учителем. На деле же ему нравилось быть наставником. Ему нравилось стрелять из снайперки, раз за разом оттачивать собственное мастерство и осознавать, что он – лучший стрелок в этом лагере. Тото нравилось чувствовать превосходство, и это было так по-мужски, так предсказуемо... Но ничуть не раздражающе. Он просто получал удовольствие от того, что делал, а уже спустя два часа и я показала первый результат.

– Одна бутылка из пятнадцати. Ты делаешь успехи, – поддел меня Тото шутливо, но я опять заметила, как он светится от гордости за меня. – Давай. Еще раз. На этот раз сама, без поддержки.

Я кивнула и, надвинув на лоб шапку, перезарядила винтовку. Оружие до сих пор ощущалось неподъемным. Его отдача несколько раз едва не выбила мне плечевой сустав, но любая боль казалась приятной, когда я вспоминала, ради чего терплю ее.

– А почему ты читаешь в псевдоцеркви?

Этот вопрос вырвался у меня спонтанно. Я просто решила развеять то статическое электричество, что стояло между нами с Тото, когда мы оба молчали. К тому же мне и впрямь было любопытно.

– Там уютно, – наконец ответил он, чуть помявшись.

Уютно?.. Наверно, это последнее слово, которое пришло бы мне на ум в том месте.

– У меня там сестра и мама.

Я обернулась. Все мои попытки шутить разбились об этот образ: Тото, проснувшийся единственным из семьи, и его мама с младшей сестренкой в соседней спальне, которых он счел мертвыми. Мне даже захотелось обнять его, но я снова прицелилась и спросила:

– В церкви только ваши близкие?

– Нет. Еще те, кого мы нашли в округе.

– Зачем?

Я сделала выстрел, давая Тото время, чтобы решить, стоит ли ему отвечать на мой вопрос. Когда я выстрелила в третий раз, он все-таки произнес:

– Кто-то ходит по городам и отстреливает тех, кто спит, словно уток в сезон охоты.

– Кто-то вроде банши?

– Кто-то вроде нас, живых людей.

Я выпустила еще две обоймы в бутылки, но так ни разу и не попала. Тяжело вздохнув, я отодвинула винтовку от лица.

– Ну и почему они это делают?

– Спроси у них, когда встретишь, а потом непременно расскажи мне, – невесело ухмыльнулся Тото, перенимая из моих рук обойму. – Мы этих ублюдков так и не нашли.

И тут до меня дошло: тот дом, куда я забралась в бегстве от Верити, пережил ту же участь. Кто-то выбил окно, через которое я пролезла, еще до меня. Этот кто-то мог до сих пор находиться поблизости, и я по-настоящему осознала это лишь сейчас.

– Как зовут твоих родных? – спросил Тото вдруг. – Крис сказал, ты собираешься найти их.

– Джессамина и Эшли. Младшая сестра и старший брат.

– Мою сестру зовут Эльмира, а маму София. Мама – это та, что лежала тогда в церкви с краю, у окна, с такими темными вьющимися волосами...

– Да, Тото, я помню.

Тото осекся, поняв, что мне не по душе подобный разговор. Становилось дурно от фантазии, что где-то в затхлой квартире, также завернутые в коконы одеял, «спят» моя сестра с тетей Ларет и Эшли. Словно о них забыли.

«Но я не забыла».

– На сегодня мы закончили, – объявил Тото, когда я выпустила мимо бутылок весь магазин. Тоска и тревога мешали сконцентрироваться на цели.

Тото забрал винтовку, а затем направился обратно к лагерю, наплевав на то, что уже почти стемнело, а я вряд ли смогу выбраться из леса в одиночку.

– Миленко, – буркнула я себе под нос и, опасливо глянув на заросли, забыла про усталость и побежала следом за Тото.

Обычно я предпочитала ужинать в уединении, укрывшись в палатке. Иногда я даже доедала порцию фазана на кровати Барби, пока она не видит, чтобы оставить на простыне побольше крошек. Барби почти не говорила со мной, но это не мешало мне ее невзлюбить. Возможно, дело было в ее чувствах к Крису, а возможно, она просто слишком красивая.

Шестьдесят с лишним человек едва ли помещались возле костра. Кому-то приходилось ужинать прямо на посту, кому-то – на качелях, а кому-то в своей палатке, как я. У меня была еще одна причина не появляться на всеобщих ужинах...

– Передай воду, пожалуйста.

И я без лишних слов отдала флягу этой причине в руки, а потом проводила ее взглядом: Крис Роуз сел рядом с Барби, поддерживая ее бодрый разговор с кем-то из жителей. Я в первый раз присоединилась к ужину возле костра и сразу же пожалела. Прошло больше недели с той поры, как я выставила себя перед Крисом полным посмешищем. Он, кажется, забыл об этом, но я забыть никак не могла.

Крис посыпал пресный рис сахаром (который, похоже, добавлял во все подряд), зачерпнул его ложкой и, отвернувшись, незаметно проглотил вместе с ним какую-то белую таблетку. Запив все это поданной мною водой, он невозмутимо продолжил есть, периодически досыпая еще сахара сверху.

– Вы так и не разговаривали? – шепотом поинтересовалась сидящая рядом Флейта, ковыряя вилкой безвкусное порошковое пюре. – Он ведь нравится тебе.

– Нет.

– «Нет, он мне не нравится» или «Нет, мы не разговаривали»?

– И то, и другое.

– Как же! Боишься, что он специально избегает тебя, потому что разочарован?

Признать, что такая вероятность есть, – слишком губительно для моей самооценки, поэтому я лишь пожала плечами:

– Наверное, он просто слишком занят. Неважно. Тото учит меня... Я все равно попаду к ним в команду.

– И тебе все равно придется делать это через Криса.

– Твоя правда.

Когда ужин закончился, я встала с распиленного надвое дерева и уже собиралась вернуться в палатку, как мое плечо накрыла массивная рука. Знакомое прикосновение.

– Можешь отнести в лабораторию? – спросил Крис, пихнув мне в руки тарелку с еще одной порцией, прикрытой тонким слоем фольги.

«Он что, увидел во мне официантку?!» – подумалось мне, но я все равно кивнула. Бесхребетная!

И вот я уже стояла перед входом в технический отдел парка, оборудованный под лабораторию, и сгорала под многозначительным взглядом Флейты, оставшейся сидеть у костра. Неле-

пая и податливая на любые уговоры Криса. Что же со мной не так? Вздохнув и сжав тарелку с ужином, я переступила порог обветшалого здания.

Лаборатория была единственным местом, сделанным из камня и штукатурки, а не из ткани. Она же служила хранилищем топлива и снабжала лагерь электроэнергией. От входа тянулся длинный узкий коридор, а в конце он разветвлялся на несколько комнат. Одна дверь была приоткрыта, и я заглянула туда, шурясь от фосфорного света.

– Эй, есть тут кто-нибудь?

За гудением вентиляции и странных машин я вряд ли бы расслышала ответ. Пройдя до единственного стола между ними, заставленного грязными колбами и проводами, я поставила пластиковую тарелку.

Я мимолетно осмотрела схемы и чертежи, которыми были обклеены все стены, и поспешила к двери. Когда я вошла, она, видимо, захлопнулась, потому что, дергая ручку, я не выбила из нее даже скрипа.

– Боже, ну не надо, – взмолилась я, снова дернув на себя дверь, но та упрямо не поддавалась. Меня бросило в жар. Я кинулась к заколоченному окну, надеясь дозваться кого-то из сторожей, но доски были прибиты намертво.

– Кто здесь? – охрипнув, спросила я, резко обернувшись на шорохи, раздавшиеся со всех сторон сразу.

Фосфорные лампы замигали. Их белый свет угнетал: все под ним казалось каким-то неестественным и уродливым. Помимо техники и пробирок в углу был сложен мусор, забитый в черные целлофановые пакеты и накрытый сверху шерстяным одеялом. Шорох повторился. Прямо оттуда. Я наверняка пожалею об этом, но...

Медленно подойдя к мешкам, я ухватила за бахрому и рывком сдернула одеяло.

На мусоре лежал юноша, свернувшись клубком. Грязно-серый халат, бледные шрамы по тощим запястьям и причудливая родинка на самом кончике носа. А еще остекленевшие темно-карие глаза, открытые и не моргающие.

Я думала, что не смогу перекричать гудение приборов, но ошибалась – мой визг, пожалуй, можно было услышать даже в Фэрбенксе. И в тот момент безжизненное тело снова зашуршало.

Зрочки забегали из стороны в сторону, завертели, а их обладатель, рассыпаясь в бесчинных ругательствах, упал с мусорных пакетов, запутавшись в них.

– Пожалуйста, замолчи! – воскликнул он, с хрустом выпрямляясь и разминая спину. Узкое лицо, залитое жемчужным светом, сморщилось в недовольстве. – Как у меня все затекло! Сделаешь массаж?

– Ты... – проблеяла я, едва ворочая онемевшим языком. – Я решила, что ты мертв!

– Не понял?

Юноша нахмурился, подхватил с тумбы надколотую кружку с давно остывшим черным кофе и залпом его осушил.

– Ты лежал здесь, в мусоре, с открытыми глазами, и я решила...

– Во-первых, – он закатил глаза и вытер испачканный рот грязным рукавом халата, – это не мусор, а мешки с производственным сырьем. Спать на них очень полезно при остеохондрозе. Во-вторых... – долговязый и почти двухметровый, юноша двинулся вдоль стеллажей, шаркая по полу пушистыми тапками-кроликами. – Я всегда сплю с открытыми глазами. Особенность такая. Так зачем ты пришла? И да, кто ты вообще?

Я безвольно хлопала ртом и, кажется, даже сама забыла, что именно тут делаю. Худой, с медно-рыжими волосами, в детских тапочках и с совсем еще детским лицом... На нем были тканевые бриджи, обтягивающие острые коленки, а за ухом уже торчал огрызок карандаша.

Посмотрев на тарелку с остывающим рагу, я вздохнула.

– Крис... То есть Роуз попросил меня принести тебе ужин. Меня зовут Джейми.

– Ага, – протянул парень. – Ладно, спасибо за завтрак.

– Ужин.

– Я так и сказал. Завтрак.

Местный ученый не был ученым вовсе. Он был скорее подростком, пытающимся произвести впечатление, или комиксным гиком. Но он все равно казался занятым.

– Ты не представился, – заметила я, подходя ближе.

– А ты не просила, – ответил он, разглядывая через микроскоп стеклышко с вязкой, розовой жижей, похожей на жвачку.

Я закатила глаза.

– Ну и как тебя зовут?

– Франки. Сокращенно от Франкенштейна.

– Ох, – я ухмыльнулась и обвела взглядом комнату. – Почему-то я не удивлена.

– К слову, Виктор Франкенштейн был реальной фигурой. За его прототип Мэри Шелли взяла Иоганна Диппеля, проживавшего в замке под названием «Франкенштейн» в восемнадцатом веке, а еще...

– Франки! – прервала его я, пока он совсем не заболтался, и кивнула на тарелку. – Ужин стынет.

Франки смущенно потупился, закусил тонкую нижнюю губу и понимающе кивнул.

– Извини. Я так редко выбираюсь наружу, что разучился общаться с людьми. Хотя чего ради мне эти люди... У меня ведь есть видеочамера.

Когда Франки показал ее мне, все внутри меня сжалось. Не считая сферы объектива, эта камера до чертиков напоминала мне старый диктофон, на который я каждый день записывала «послание в никуда». Такая же марка, такой же цвет... И, главное, такой же смысл – не сойти с ума. В этот момент я взглянула на Франки совсем по-другому.

– Так что, – заговорила я и, обойдя стол Франки, уселась на запакованные коробки, удобно вытянув ноги под его вопросительным взглядом. – Расскажешь про Виктора Франкенштейна?

Уже спустя полчаса я чувствовала себя так, словно заявила домой к старому приятелю, и не хотела уходить.

– Знаешь, – пробормотала я, дожевывая сырные палочки, которые Франки достал из своей заначки вместе с термосом чая. Тогда беседа разгорелась с новой силой. – Роуз так и не успел рассказать, чем ты здесь занимаешься.

– Не успел?... Охо-хо! – Франки подорвался от воодушевления и, бросив на стол карандаш, схватил из миски лакричную палочку. – Тогда слушай и поражайся, дорогуша.

– Дорогуша?..

– Видишь это? – И, зажевав всю палочку целиком, Франки ткнул облизанным пальцем в сторону жужжащей техники. – Половину я собрал из запчастей со свалок металлолома. На четвертом курсе у нас был профессор, двинутый на роботостроении. Я очень хотел, чтобы он стал моим научным руководителем, так что в программировании я мастер...

– На четвертом курсе? – удивленно переспросила я. – Не слишком ли ты молод для бакалавра?

– Мне восемнадцать, – снисходительно улыбнулся Франки. – Я закончил школу в четырнадцать и уже почти магистр. И да, я гений, знаю.

– Скромный гений, что немаловажно.

– Спасибо, – Франки умолк, пытаясь отлепить прилипшую к небу лакрицу языком, а затем самозабвенно продолжил: – Пока я не очень понимаю, что случилось с миром, но Крис и Тото постоянно добывают новые микросхемы, так что уже очень скоро мы это выясним. Я, кстати, еще и биолог. Ну, в качестве хобби, – пояснил Франки, забрав у меня из-под носа

дымящуюся чашку с чабрецовым чаем. – Крис приносит мне любые образцы крови, какие найдет. Я сравниваю кровь спящих с выжившими... И уже могу сказать, что все очень плохо.

– Плохо? – переспросила я, почувствовав, что сырные палочки больше не к месту. – Почему?

– Потому что я ничего не могу найти, – сказал он, и, едва я выдохнула от облегчения, он добавил: – Не радуйся. Нас ничего не отличает от спящих, улавливаешь? По моим подсчетам, не уснули лишь пять процентов людей на Земле, а это около трехсот миллионов человек. Это мало, Джейми. Катастрофически. И ведь кто-то истребляет спящих, ты знаешь? Так, будто знает гораздо больше или... боится чего-то. Интересно, кто это делает? Тайная организация? Пришельцы? Да, я пересмотрел «Твин Пикс»¹. Кстати, очень рекомендую. И еще...

– Что?

– Каков риск, что мы тоже однажды уснем?

Я пристально посмотрела на Франки. Тепло-ореховые глаза затмила темная пелена, и взгляд его опустел: он уставился куда-то себе под ноги и потянулся рукой к столу. Нашупав вместо лакричной палочки карандаш, он вгрызся в его верхушку зубами.

Я выбила карандаш у него из рук. Франки подавился и начал плевать во все стороны разноцветными опилками.

– Нет.

– Что «нет»? – спросил он, снимая занозы с языка.

– Мы не уснем.

Франки спрятал обратно покрасневший язык и хмыкнул.

– Думаешь, это то же самое, что и чума? У кого иммунитет, того не затронет? Я в этом очень сомневаюсь. Такого везения не бывает.

Я не ответила. Поборов липкое оцепенение, я встала и выкинула в мусорное ведро смятую пачку от сырных палочек. А затем, взяв в руки уже пустую тарелку (которую мы поделили поровну), двинулась к двери. Затылком я чувствовала, как Франки пытается взглядом прожечь во мне дыру, не иначе.

– Джейми, – несмело раздалось позади, и я обернулась, уже переступив порог. – Зайдешь еще как-нибудь? Я раздобуду побольше крекеров.

Я улыбнулась, пытаюсь усмирить умиление его румянцу и грусть от того, что видела в одиночестве Франки свое отражение. Он поднялся и открыл для меня неподатливую дверь. Я вышла в прохладный коридор, напоследок бросив:

– Спокойной ночи, Виктор Франкенштейн.

Поднос я скинула там же, где их раздавали – на стеллаж возле колеса обозрения, где завтра нам же с Флейтой придется все убирать. Костра уже не было, как и людей вокруг: тлели древесные угли, пуская в морозный воздух фейерверк оранжевых искр. Вокруг не было ни души, не считая патруль. В туннеле любви, прямоком в ракушках и лебедях, мирно сопели жители. Мы с Франки проговорили слишком долго, и, вернувшись в палатку, я быстро забралась в постель. Слова Франки долго стучали в висках. Если есть шанс, что однажды я не проснусь, поиск моей семьи нельзя больше откладывать.

Я зажмурилась и положила под голову руки. Весь лагерь давно спал, но я сама в ту ночь так и не уснула.

¹ «Твин Пикс» (англ. Twin Peaks) – американский телесериал.

8. Тотошка

– Еще! – скомандовал Тото, и я послушно спустила курок. – Перезарядка. Готовься... Стреляй!

Я повторила все действия поэтапно. Сама заполнила магазин, а затем полностью его выпустила. И не сдержала победный клич, когда все расставленные бутылки из-под пива разлетелись в щепки.

– Да, детка, да!

– Десять из десяти. Браво.

Я отодвинулась от винтовки, все еще визжа. Тото одобрительно кивал, наблюдая.

Он выглядел крайне довольным, особенно учитывая, что обычно Тото выглядел так, будто мысленно решал астрофизические задачи. За все две с половиной недели, что мы тренировались на самодельном стрельбище за церковью, я еще не видела его более радостным. Хотя нет, все-таки видела...

Тото никогда не сиял так ярко, как в присутствии Флейты. Спустя пару минут на наше маленькое торжество явилась и она. Тото тут же вытянулся во весь рост, подобрался и приосанился. Пригладив черные кудряшки рукой, Тото забрал у меня винтовку, чтобы выглядеть еще внушительнее в глазах Флейты.

– Привет, – сказала я, любуясь этой парочкой, прильнувшей друг к другу носами. – Мы уж подумали, это Крис. Тото шарахается каждый раз, как слышит хруст гальки.

– Поэтому вы так далеко забрались? – тяжело дыша, спросила Флейта и пригнулась вниз, восстанавливая дыхание после подъема в гору. Тото ободряюще погладил ее по спине. – В лагере выстрелы не слышны, но... Разве стоит уходить так далеко, когда бродят банши?

– Здесь безопасно, – улыбнулся Тото, притянув Флейту к себе за плечи. – Уж поверь, гнев Криса куда страшнее всяких мифических тварей. Он мне голову открутит как лампочку, если узнает, что зря растрачиваю его патроны.

– Не зря! Я попадаю в мишени, – возмутилась я. – Во все. Десять из десяти! Ты можешь гордиться своим бойфрендом, Флей, он – замечательный учитель, – польстила я и отвела глаза, позволяя Тото решить, будто я не заметила, как он расцвел от услышанного. – А еще я дико голодная. Что насчет того, чтобы отпраздновать мои успехи тарелкой тушенки?

Уж этому Тото, недавно прославившийся поеданием своей порции за полторы минуты, точно не возражал. Поймав подброшенный в воздух рюкзак с боеприпасами, он обнял свободной рукой Флейту, и вместе мы двинулись по стоптанной тропе обратно в лагерь.

Пока Флейта что-то увлеченно щебетала ему на ухо, я вслушивалась в звуки природы. Еще никогда в мире не было так тихо, как стало с тех пор, когда человечество погрузилось в сон. Удивительно, какие мы, люди, все же шумные существа! С каждым днем воздух становился холоднее, шелест листвы – мягче, а пение птиц реже. Когда не знаешь, что преподнесет тебе эта вселенная завтра, начинаешь ценить каждый миг. Я невольно обратила внимание на смех Тото и улыбнулась. Скоро я вновь погружусь в безмолвие. Скоро...

– Как именно ты думаешь заставить Криса взять тебя в команду? – спросил неожиданно Тото.

Звук леса заглох на фоне мыслей, роем загудевших у меня в голове.

– Я еще не думала об этом. Надеюсь, ты поможешь.

Тото вскинул брови, и я невинно захлопала глазами. На самом деле, я не планировала снова втягивать в это Тото: он уже подарил мне билет в жизнь, научив стрелять. Дело осталось за малым, и это «малое» я должна была взять на себя.

Флейта запрыгнула на срубленное дерево, вглядываясь куда-то в даль, и привычная светлость ее лица вдруг померкла. Меж бровей пролегла морщинка, которую я прежде не замечала,

до того Флейта редко хмурилась. Обведенные блеском губы сжались в тонкую линию. Тото остановился, внимая ее замешательству.

– Что-то не так?

– Я не понимаю...

И в тот самый миг, как она это произнесла, непонимание настигло нас всех: тишина. Такая глухая, мертвая тишина, что можно было услышать, как громко, оказывается, сердце качает по телу кровь. Пения птиц, которым я наслаждалась, не стало. Абсолютный вакуум, состоящий из нашей растерянности и неприятного посасывания под ложечкой.

А затем раздался вопль.

Тото рухнул в сырую яму, как подкошенный, и забился в агонии, тщетно зажимая ладонями уши. Меня оглушило тоже, но куда меньше, чем в тот раз, когда я впервые услышала этот вопль. **Банши.** Барабанные перепонки затрещали, и, возможно, вновь пошла кровь. Но едва Флейта очутилась рядом и схватила меня за запястье, боль отступила.

– Помоги ему! – крикнула она, и я, растерянная, опустила взор на ее пальцы, сжимающие мою руку. Поняв, что пользы от меня не будет, Флейта сама подтащила к себе Тото свободной рукой и принялась рыскать по его карманам.

– Заткни ему уши, – велела она, сунув мне в ладонь резиновые беруши.

Я кивнула и взяла Тото за капюшон, пытаюсь развернуть к себе и дотянуться до его зажатых ушей. Шипя от бессилия, я раздраженно воскликнула:

– Мне неудобно делать это одной рукой! Ты не могла бы отпустить меня?!

– Если отпущу, банши тебя оглушит.

Я непонимающе взглянула на Флейту. Закатив глаза, она изловчилась и ухватила за плечо Тото. Лицо его тут же разгладилось, и, задрвав голову, он умиротворенно выдохнул:

– Спасибо.

– Тото, достань еще одни беруши и отдай Джейми, – велела ему Флейта строго, и Тото, ни секунды не колеблясь, запустил пальцы во внутренний карман толстовки и выудил еще одну пару затычек. – Вставляйте! Живо!

Сглотнув, я торопливо забила уши, косясь на Флейту. Она крепко вцепилась одной рукой в меня, а другой – в локоть Тото. Когда беруши были на своих местах, она внимательно осмотрела нас и только тогда предельно медленно отпустила.

– Нормально?

– Да, – ответила я заторможенно. Тото кивнул тоже и, поднявшись, как ни в чем не бывало, подхватил с земли выпавшую в суматохе винтовку.

– Звук из лагеря. Туда. Быстрее!

– погоди, – я схватила Флейту за край куртки, притормаживая. – А как же ты? Тебе беруши не нужны? Ты что, не слышишь банши?

– Все хорошо, Джейми. Идем.

Она ответила на мой ошарашенный взгляд своим – спокойным, мягким и сосредоточенным. Взяв меня за руку, Флейта побежала, и мы быстро нагнали Тото. Времени думать, что произошло минуту назад, не было. Втроем мы достигли аттракциона-церкви и вдруг увидели, что ее ворота выбиты. Украшения и бутафорию застилала кровь растерзанного в окопе сторожа.

– Нет, – выдохнул Тото, пятась в сторону. – Нет, нет, нет... Черт!

Он побежал дальше, вглубь парка, к костру и шатрам. Несясь следом и едва успевая дышать, я все еще отдаленно слышала визг, но благо больше не корчилась от боли.

Выстрелы со свистом прорезали воздух. Выжившие разбежались по парку, кто куда. С надеждой я принялась выискивать знакомые лица. Лишь Грейс был поблизости, прячась за перевернутую карусель и прижимая к груди пистолет. Из его ушей тоже торчали беруши. Он громко ругался, покрывая всех нас многоэтажной бранью.

– Разряжен! – крикнул он нам с Тото. – Барби сперла всю мою обойму. Тото, патронов нет!

– Где Крис? – спросил он, и Грейс снова ответил матом, среди которого из самого приличного было лишь:

– Не знаю!

Закатив глаза, Тото быстро опустился прямо в грязь на одно колено и расположил винтовку.

– Это будет просто, – ухмыльнулся он, прицеливаясь.

Флейта попятилась, оттаскивая меня назад за шиворот, пока Тото поджидал нужный момент. Банши буйствовала в одной из палаток и, похоже, не собиралась выходить. Прошла целая вечность, прежде чем мы наконец дождались ее появления. Некоторые из жителей МЗВ, по рассказам Франки, никогда не сталкивались с банши лично. Я же не понаслышке знала, сколь они отвратительные и пугающие. С пепельными зрачками, язвами по всему телу и лезвиями вместе зубов.

Эта банши выглядела ничуть не лучше. Она тоже оказалась женщиной: с грязно-черными выщипанными волосами и угловатым подбородком. Это лицо показалось бы мне знакомым, если бы не пустые белые глаза и раскрытый в вопле рот. Он, однако, вдруг сомкнулся, когда Тото напротив тихо опустил винтовку.

– Мама?

Банши, в которой я тут же узнала Софию, мать Тото, что уже однажды видела в церкви, остановилась. Все замерли тоже, но только не мы с Флейтой.

– Тото, – позвала его Флей, когда тот, парализованный, в упор смотрел на банши и сжимал дрожащими пальцами винтовку, которой больше не собирался воспользоваться. – Тото! Это не твоя мама. Ее больше нет. Стреляй, Тото!

Но Тото не слышал. В отличие от наивной Флейты, принявшей дергать его за плечо, я поняла это сразу. Я знала, что испытывает Тото. Я представляла это сотни раз перед сном и не раз видела в кошмарах. В моих потаенных страхах жила целая семья из банши: их звали Эшли, Джесс и Ларет. Увидеть их такими для меня было так же страшно, как не увидеть вовсе. Но, глядя на мать Тото сейчас, я наконец-то признала: по сравнению с этим застать своих близких в безмятежном сне не такая уж и трагедия.

По лицу Тото покатались крупные слезы, смывая прошлую решительность, мужественность и суровость. Винтовка упала на землю.

– Тото! – воскликнул Грейс, судорожно вычисляя, успеет ли он добежать до нас, чтобы подобрать винтовку.

София шагнула вперед и зашла в новом визге.

У нас были беруши. Они были у большинства жителей, но больше не спасали. Визг стал сильнее, громче, и я свалилась на землю вместе с Грейсом и Тото. Под новым порывом звука склонились все, кроме Флейты.

– Джейми, – позвала она меня, поднимая за локоть. Волна боли прошла как по щелчку пальцев, и, глядя на меня влажными, широко распахнутыми глазами, Флейта прошептала: – Давай!

Я не успела сообразить. Даже не стала пытаться. Голые животные рефлекс, притупленные мирным образом жизни, вмиг обострились. Позволив отработанным навыкам взять верх, я подхватила винтовку и рванула за перевернутое сиденье в виде гоночной машинки как за прикрытие. Флейта была рядом, придерживая меня за руку и чудесным образом не позволяя оглохнуть. Пока София лениво двигалась к собственному сыну, рыдающему от боли и горя, я прицелилась.

– Мама, пожалуйста, – проскулил Тото жалобно, и в привычно низком, глухом голосе прорезалась высокая нотка отчаяния. Окропляя слезами траву, Тото попытался запрокинуть к небу голову, когда София наконец нависла над ним. Ее рука легла ему на затылок.

– Джейми! – испуганно вскрикнула Флейта.

Я спустила курок.

Пуля угодила Софии в височную долю и, пройдя навывлет, уступила место следующей. Вторая прошла рядом, а третья, контрольная, пронзила затылок. София закрутилась в падении словно волчок.

Крик смолк, и поверженная банши рухнула, покрывшись предсмертными ожогами, прямо как Верити когда-то. Время, мир и малочисленные выжившие вокруг пришли в движение, но только не он.

Все еще не было слышно пения птиц – теперь его заглушало надрывное рыдание Тото.

9. Роза и ее шипы

Со мной все было хорошо.

В эту иллюзию умудрилась поверить даже я сама. Еще час назад я держала в руках настоящую снайперскую винтовку и убила из нее человека (или то, что им раньше являлось). Я сделала все уверенно, быстро, решительно. Ни секунды на сомнения. Никаких сожалений. Со мной все было хорошо.

Мне удалось убедить в этом по крайней мере тех, кто с разинутым ртом благодарил меня после. Грейс впервые в жизни признал, что я крута. Это было понятно по тому, как он, подойдя ко мне вплотную, уставился сначала на мое оружие, затем на меня, а потом просто ушел, так и не обронив ни слова. Франки, выбежавший из блока в одних клетчатых трусах, долго носился вокруг тела Софии, норовя взять с нее образцы. А я просто пошла и скинула винтовку на скамью в виде мармеладной утки, не представляя, что делать с ней дальше.

Со мной все было хорошо. А как только я дошла до своего спального шатра и села на кровать, ничего «хорошего» не осталось. Я завывала.

Слезы напоминали керосин: текли жаром по лицу, разъедали кожу, когда я пыталась стереть их шерстяным рукавом старого свитера. Пальцы ныли от тяжести, а от мысли, что я нажала ими на курок, мне хотелось отрубить их себе мачете. Однако я не единственная, кому приходилось тяжело. Уж точно мне не хуже всех. Перед глазами все еще стояло выражение его лица – по-юношески редкая светлая щетина, теплые глаза, тонкие скулы... Слезы, текущие от шока без перебоя, и крик, сорвавшийся в неконтролируемое рыдание. Маленький принц, сгибающийся над своей увядшей розой; Тото, держащий в руках окровавленную голову своей матери.

С тех пор я его не видела. Убежала с поля сразу же, как Грейс вместе с другими обступили Тото и Софию. А еще, кажется, в тот момент Грейс все-таки похлопал меня по плечу.

– Молодец, – сухо сказал он мне, но весьма искренне, ведь помимо него меня подбадривали и другие жители МЗВ. Лишь Флейта держалась в стороне, но поблизости от Тото, не решаясь ни подступить к нему, ни уйти. Она задержала свой взгляд на мне лишь на миг, и не видела я взгляда более угнетающего, чем этот, лишенный не только благодарности или упрека, но и всяких иных эмоций.

Когда я привела себя в чувство, в шатре неожиданно появилась Барби.

– За мной.

Я машинально кивнула и, не спрашивая, потащила следом. Я не видела Барби с девяти утра, и, судя по ее внешнему виду, примерно с того же времени она не видела ни душа, ни зеркала. Взъерошенная, помятая и явно уставшая. Хороший повод для издевок. Жаль, что сейчас мне абсолютно плевать.

В ту секунду, когда мне пришлось убить Софию, я действовала на адреналине: движения чистые, стремительные и уверенные, словно я проделывала подобное не первую сотню раз. Теперь же я едва могла говорить. Заставив себя дойти до шатра с бильярдом и тиром, куда мне прежде не доводилось заходить, я рухнула на первое попавшееся свободное место. Много стульев и людей, толпящихся под крышей. Центр зала освещали желтые лампы. Такие же стояли у нас в палатках. Они же излучали жар, не позволяющий нам всем замерзнуть.

В полигоне собрались не все жители лагеря. Лишь знакомая мне группа охраны, Франки, Мэл и еще несколько человек, с которыми я не успела достаточно сблизиться, чтобы запомнить их имена. Тото и Флейта отсутствовали, что, впрочем, не стало сенсацией. Едва я села, как Грейс на моих глазах налетел на Крису, будто голодный коршун.

– Как ты мог оставить лагерь без присмотра?! – обвинил он, и Крис не менее яростно ответил:

– В лагере остались вы с Тото!

– А где носило тебя, Роуз? – прорычал Грейс и ткнул пальцем в Барби, стоящую с таким отсутствующим выражением лица, будто ничего из происходящего ее не касалось. – Ты говорил, что отлучишься в город на час, а в итоге тебя не было целых пять! Неужели нельзя было найти место поближе, чтобы потрахаться с Би?!

Барби не шелохнулась. Лишь тонкая бровь многозначительно поползла вверх в намеке на удивление. Крис перестал наворачивать круги вокруг бильярда и остановился. Волосы его были неаккуратно взлохмачены, брюки затерты мелом на коленях, а щеки красны. Хотелось бы верить, что от злости, а не потому что Грейс оказался прав.

В зале повисла неловкая пауза. Все, о чем я думала, – это как бы меня не вырвало в самый неподходящий момент.

– Следи за языком! – рыкнул Крис, угрожающе клацнув зубами. – Мы были на вылазке и задержались, потому что натолкнулись на банши. Пришлось переждать в укрытии, чтобы...

– Потрахаться?

– Заткнись!

Крис подался вперед, хватая Грейса за шкирку, но даже тогда тот не выдал ни толики страха. Наоборот, встрепенулся, готовый прямо сейчас лезть в драку, из которой заведомо не выйдет победителем.

Коренастый мужчина, имя которого я как раз не запомнила, встрял между ними, разнимая.

– Какая разница, где были Крис и Барби? Факт остается фактом: в нашем лагере появилась банши, а эта девочка, – он неожиданно повернулся ко мне, и так сделали все присутствующие в зале, включая Крису. – Справилась с ней. Жаль, что Тото пришлось на это смотреть, конечно, но...

– Он сейчас с Флейтой, отдыхает. Я вколола ему двойную дозу успокоительного. Боюсь, в ближайшее время он не пригоден к работе, – тут же подхватила Мэл. – Не смейте выдавать ему оружие, ясно? Не хочу, чтобы помимо обращения простых спящих в банши к нашим проблемам прибавился еще и суицид.

– Кстати, об обращении... – Франки спрыгнул с бильярдного стола, на углу которого сидел все это время, жуя палочку лакрицы. – Бобби верно подметил насчет Джейми, она молодец, но никто не спросил себя, почему ей вообще понадобилось стрелять в Софию? Как мы все помним, Тото принес ее вместе с младшей сестрой еще месяц назад...

– Да, – кивнул тот коренастый шатен с отчетливым южным акцентом и отталкивающими густыми усами, которого Франки именовал Бобби. – Мы решили сложить их всех в церкви, чтобы было удобнее присматривать. Но с каких пор спящие становятся чудовищами?

– Еще одна загадка, – заинтригованно протянул Франки, криво улыбнувшись. – Люблю загадки.

– И еще один геморрой, – хмыкнул Крис, потирая затылок. – Если все спящие в любой момент могут очнуться свирепыми суперхищниками... Вы только представьте, какая паника начнется, когда эта мысль дойдет до остальных.

– Выставим караул? – осторожно предложил Грейс. – Только не ставь себя в пару с Барби, а то снова про... шляпите все на свете.

– Караул, – согласился Роуз, мудро пропустив последнюю фразу мимо ушей. – Для того, чтобы не подпускать к церкви поселенцев, и для того, чтобы случайно не выпустить наружу еще одного банши.

– Еще одна тема на повестке дня, Кристофер, – зима, – произнес Бобби. – Мы все здесь замерзнем, если и дальше будем жить на улице. Что насчет того гипермаркета? Ты осмотрел его?

– Я займусь этим позже. Пока что батареи и светильники справляются с холодом. У нас есть несколько дней в запасе, – парировал Крис ловко. – Будем решать проблемы по мере их поступления. Франки, есть теории насчет того, почему София проснулась банши, а не собой?

– Нет, – качнул головой тот. – Но будут. Дай мне два часа, пол-литра кофе и Джейми.

– Джейми? – переспросил Крис. – Думаю, сегодня ей стоит воздержаться от полуночного бдения... Но пол-литра кофе тебе будет, замetano. – А затем он вдруг обратился ко мне: – А ты и впрямь молодец. Только вот в последний раз, когда ты держала у меня на глазах винтовку, то едва не отстрелила себе коленки. Как так?

– Тото, – ответил за меня Бобби, за что я осталась безмерно благодарна ему. – Я видел, как он тренировал ее недалеко от причала за церковью. Решил оставить это для всех сюрпризом. Пригодилось.

– Надо было сообщить, – хмыкнул Крис, выдыхая. – Но да, пригодилось. Эй, Джейми... Джейми?

Я подскочила и пулей вынеслась из игрового полигона. Едва в лицо ударил свежий воздух, я склонилась под первым попавшимся кустом и вытошнила из себя весь ужин.

– Со мной тоже так было, когда я в первый раз убил человека. Это случилось на втором месяце службы в полиции.

Я только закончила вытирать рот все тем же свитером, который уже поклялась себе выкинуть в мусорку завтра же утром, когда за спиной раздался приглушенный голос Криса. Выпрямившись, я с трудом сфокусировала на нем взгляд. В темноте парка его глаза напоминали две монеты из белого золота.

– Только одно отличие, – добавил Крис. – Ты людей не убивала.

– Я убила мать Тото, прямо когда он смотрел на нее.

– Это была уже не его мать...

– Да, но Тото считал иначе, поэтому и не смог выстрелить. А я смогла.

В ночи было слышно, как трещат свои песни в траве кузнечики и как зовут друг друга совы, чтобы разделить мышиную трапезу. Унисон звуков жизни – живой и бессмертный лес диковинной Аляски. Мне жутко захотелось нырнуть в него с головой: схватить рюкзак и побежать прочь по первой подвернувшейся тропе, а затем нарваться на какого-нибудь банши и умереть. Минута слабости и молчания, которая, казалось, длилась непростоительно долго, прежде чем Крис снова заговорил:

– Ты не бессердечная.

– Не бессердечная, – повторила я тихо. – Но сердца все равно не чувствую. Да и другие с этим не согласятся...

– Это не так. Ты спасла их, когда я не успел.

– Нет, я их уничтожила.

Крис застопорился. Мы оба понимали, что это правда: убив банши, в которую обратилась обычная спящая, я на корню загубила их надежду на спасение. Их смысл жизни. Взрастила новые страхи: теперь каждый спящий мог проснуться не с тоской по близким, а с решительной целью перегрызть им всем глотки. Уничтожение не физическое, но моральное. Уничтожь надежду – уничтожишь человечность.

Крис приблизился, и шершавые пальцы коснулись моей руки, безвольно опущенной вдоль тела. Я почувствовала, как он взял мою ладонь в свою, и выдернула ее обратно.

– Ты правда был с Барби, когда это случилось?

Я не думала, что посмею спросить это. Не сказать, чтобы меня в принципе терзало желание услышать ответ. Но прикосновение Криса проняло меня: я представила, как кому-то приходится спускать курок в то время, как другому перепало счастье окунуться в нормальную жизнь. Заняться сексом. Побывать вдвоем. Побывать счастливым.

Крис поджал губы. Лицо его осталось непроницаемым, но руку он послушно убрал.

– Да, – шепнул он. – Мы были на вылазке. Все, как я и говорил.

– Понятно.

Если у Криса не было эмоций только на лице, то меня они покинули полностью. Я просто спросила, а Крис просто ответил. Затем я обошла его и отправилась к спальным шатрам.

– Джейми.

Я оглянулась вполоборота, и Крис бескомпромиссно отчеканил:

– Завтра в десять утра мы постараемся дойти до границы Анкориджа. Ты будешь в группе. Заменишь Тото.

Я кивнула и, выждав несколько беззвучных секунд, возобновила путь до палаток. Там я скинула жесткую обувь вместе со штанами и, забыв про обещание выкинуть свитер, натянула его до голых коленей и нырнула в постель. Койки Флейты и Барби сегодня пустовали, но не без причины.

Я мгновенно уснула, как и вся моя вера в лучшее.

10. Джем

Когда наутро Грейс выдал мне снайперскую винтовку, принадлежащую Тото, внутри все предательски зануло. Прорыдав утром еще около получаса, я, кажется, начала наконец приходить в себя. В этом мне содействовал и извечный сарказм Грейса:

– А с тобой шутки плохи, Рейс. Один раз назвал амебой – и вот ты почти снайпер.

Я мрачно ухмыльнулась. Двинувшись следом за ним к воротам лагеря, где уже стояли Барби и Крис, инструктирующий Бобби на время своего отсутствия, я вдруг засмотрелась на французскую карусель.

Разобранная и без вычурных пластмассовых пони, она служила еще одним шатром, где тоже стояли койки. Туда после нашего стрельбища каждый вечер возвращался Тото. Недолго думая, ведомая одним лишь безрассудством, я увильнула от Грейса и двинулась к карусели.

Кровать под навесом стояла лишь одна. На ней почти неподвижно спал Тото. По словам Мэл, теперь он спал практически все время. Люди за завтраком поговаривали, что он быстро придет в себя, как только его перестанут пичкать транквилизаторами и дадут вспомнить, что помимо матери у него осталась еще и сестра. Кажется, транквилизатора в него действительно вкачали целое море – бледный, он походил на призрак.

Однако было еще кое-что, способное излечить его душу. И, вспомнив об этом, я вдруг разозлилась.

– Флейта!

Я оказалась возле умывальника у водостока быстрее, чем Грейс успел бы заметить, что я так и не дошла до ворот. Очутившись за спиной Флей, домывающей сковороду, я впцепилась пальцами в ее шею и развернула к себе.

– Джейми! – выдохнула она, растерянно улыбнувшись. – Ты меня напугала.

– Что произошло тогда в лесу, когда ты не услышала?!

– Что?

– София! – нечленораздельно объяснилась я и, сместив руку на плечо Флейты, встряхнула ее. – Когда София кричала, она не оглушила тебя! А когда ты коснулась меня, со мной случилось то же самое. Крик банши не действовал. **Я не слышала.** Мы не слышали. Как это возможно?!

Я никак не могла разжать пальцы и продолжала гневно ее трясти. Заерзав, она воспротивилась и оттолкнула меня в грудь, в отчаянии воскликнув:

– Это мой дар, понятно?! Так всегда было! С тех пор, как это началось и появились банши... Я не слышу их визг и могу передавать эту способность через прикосновение. Теперь отцепись от меня, репейник!

Я отстранилась, и Флейта насупилась. Прежде мне казалось невозможным привести ее в бешенство, но я, похоже, справилась.

– Дар? – переспросила я. – Об этом кто-нибудь еще знает?

– Только Тото и ты, – фыркнула Флейта, поднимая с земли упавшую тряпку.

– Почему ты никому не сказала?

– А смысл? Способность полезная, но малоэффективная. У меня ведь две руки, поэтому и спасать могу лишь двоих. Да и что я скажу? «Эй, прикиньте, мой музыкальный слух не пропал даром. Он у меня настолько идеальный, что я не слышу банши, потому что они фальшивят. Ха-ха! Круто, правда? Давайте найдем банши, и я покажу вам?».

Я истерично засмеялась.

– Со мной бы прокатило.

– Не сомневаюсь, – буркнула Флейта и размяла правое плечо, которое я недавно сжала до синяков. – Ты ведь отбитая.

– Да, есть немного, – шутливо призналась я. Флейта закатила глаза. – Прости, я не знаю, что на меня нашло. Вспомнила вчерашнее и... испугалась, наверно.

– Ничего, я понимаю. Так, значит, ты в отряде Криса?

– Да, пока Тото не поправится.

– Выходит, мы больше не увидимся?

До вопроса Флейты я даже не задумывалась о том, что покидаю лагерь навсегда. Я не задумывалась и над тем, как мне попроситься с ней, когда придет время. Заглянув ей в глаза, я замялась, но Флейта решила первой: забыв про мою бестактность, она заключила меня в объятия и едва не расплакалась.

– Постарайся дать знать, когда доберешься, – прошептала она. Я мысленно благодарила Флейту за то, что она использовала обнадеживающее слово «когда», а не «если». – Пожалуйста, хоть как-нибудь. Знаю, СМС и интернет теперь не работают, но... Может быть, голуби?

Я тихо засмеялась и обняла ее в ответ.

– Я уже придумала способ передать тебе весточку. Знаешь, как? – Флейта покачала головой, и я улыбнулась. – Когда я дойду до Айдахо и направлю твоего брата сюда, в МЗВ, то обязательно передам вместе с ним письмо.

Флейта вскинула брови и, натолкнувшись на абсолютную серьезность на моем лице, рассмеялась так нежно и задорно, что мне сделалось легче. Затем она сделала несколько шагов назад, тем самым придавая мне сил наконец-то уйти.

– Моего брата зовут Натаниэль. Он красавчик, точно узнаешь при встрече, – усмехнулась она и вдруг добавила: – Тото не винит тебя. Он скоро очнется и, поверь, даже не подумает о том, чтобы тебя ненавидеть. *Lyska till, min vän*².

Это было еще не все. Эмоциональное течение повело меня дальше – к лабораторному корпусу, где я застала Франки спящим в позе эмбриона под застиранным тряпьем. Не осмелившись будить его, я наградила Франки родительским поцелуем в макушку, а затем так же бесшумно ушла, не забыв приклеить к его видеокамере стикер с насмешливой нарисованной смешной рожицей.

Когда я поднялась обратно к колесу обозрения и под отборный мат Грейса вернулась в строй, камень, все это время придавливающий мое сердце куда-то к печенкам, раскололся на сотню мелких осколков. Эти осколки еще долго будут доставлять мне дискомфорт, царапая изнутри, – рана, но не смертельно. Глаза Роуза, смотрящего на меня, показались мне виноватыми, но это больше не имело значения. Мы вышли за ограждение МЗВ, и все встало на круги своя.

Путешествие началось.

И, стыдно признаться, но я начала жалеть себя уже спустя три часа. Идти без перерыва и возможности в любой момент завалиться под дерево и лениво потянуть абрикосовый сок оказалось сложнее, чем я себе представляла.

– Что, Джем, уже выдохлась? – загоготал Грейс и со знанием дела перепрыгнул через еще одну лужу. Он намеренно топнул ногой по сырому хворосту так, чтобы брызги запачкали мне весь пуховик. – Потная, противная и липкая, как настоящий облепиховый джем. Ха-ха! Ненавижу облепиху!

Помимо глупых шуток Грейса, была еще одна вещь, от которой меня корежило изнутри. **Джем.** Я не заметила, как, стоило нам выйти за пределы лагеря, мое имя приобрело новую необъяснимую форму. Не Джейми, а Джем. Хотя, казалось бы, куда еще короче?

– Не отставай. В твоих же интересах не потеряться в лесу. Не в моих. – Голос Барби взбудрил меня, и я ускорила шаг.

² *Lyska till, min vän* – (швед.) Удачи, мой друг.

Я так и не смогла разобраться, что она испытывает ко мне: презрение или отменно поданное безразличие? В умении заставить чувствовать себя ничтожеством ей точно не было равных. Я убедилась в этом, когда перед выходом попросила ее подержать снайперскую винтовку, а сама принялась заправлять в сапоги ленточные шнуры.

– У тебя по физкультуре была тройка, да? – скептически сощурилась она, окинув меня оценивающим взглядом.

– Ну да, а что?

– Да так, ничего.

Отряд, как всегда, возглавлял Роуз. По пятам за ним следовала Барби с «люгером», а за ней – я. Шествие замыкал Грейс, вечно норовящий обогнать меня или пнуть. В общем, в строю у нас царил идиллия.

– Куда именно мы идем? – поинтересовалась я в какой-то момент.

– В сторону Анкориджа. На входе в город повернем обратно. В этой части мы еще не были, – ответил Крис.

Я обрадовалась. В сторону Анкориджа – это как раз мне по пути. Значит, побег можно отложить до завтра.

– А мы точно не собираемся устроить привал в ближайшее время? – решила заодно узнать я, и Роуз замедлил шаг, озирая местность.

– Я вспомнил, что забыл позавтракать, – сказал он вдруг. – Давайте передохнем пятнадцать минут. Эй, у кого-нибудь остался «Сникерс»?

По острому взгляду Барби я поняла, что подобная остановка не входила ни в чьи планы. Я задушила совесть и тяжело осела на кипу поваленных бревен, вздыхая.

Я жадно глотала воду, наслаждаясь открывающимся пейзажем и несколькими минутами лени, когда мне в руки вдруг упал шоколадный батончик. Крис подмигнул мне, и я, благодарно кивнув, откусила любимый шоколад с арахисом. Доедая, я старалась не смотреть на него, опасаясь подтвердить (или наоборот?) свою догадку: он постоянно следил за мной.

Спустя еще два с половиной часа мы дошли до первого населенного пункта. Захолустный город, чьи дворы успели зарости пожелтевшей дикой травой. Пока ребята изучали содержимое местного супермаркета, пополняя запасы, я бродила по смежным улицам, поражаясь царящему вокруг покою. Как же естественно новый мир смотрелся без нас, людей.

Боковым зрением я уловила движение в подножье викторианского особняка, который запросто мог когда-то служить домом здешнему мэру. Ремешок винтовки рефлекторно сполз вниз, и оружие легло в руку, прежде чем я разглядела оленя, гордо вышагивающего по крыльцу.

Каштановая шкура с золотым отблеском, большие янтарные глаза и ветвистые рога, превосходящие меня в росте. Олень не страшился ни меня, ни пустого города. Кажется, буквально за месяц животные отвыкли от нашего существования. Завороженная, я затихла, наблюдая.

– Классное бы из него вышло чучело!

Я вздрогнула, как, впрочем, и олень, тут же наостривший уши. Появившийся рядом Грейс ухмыльнулся, опираясь автоматом о землю. Олень вдруг доверчиво потянулся к нему, склонившись и почти задевая траву рогами. Что-то в лице Грейса переменилось, и, поднеся ко рту пальцы, он издал свист такой громкости, что позавидовали бы даже банши. Олень испуганно встрепенулся и бросился наутек, едва не снеся с ног нас обоих.

– Ты идиот, Грейс, – фыркнула я, разочарованно глядя вслед зверю, а затем перевела взор на зверя другого. – Ну и какого черта?

– А еще из него бы получился вкусный шницель.

– Запихни себе этот шницель в...

К концу дня мы пересекли город, и усталость почти заставила меня поверить, что даже асфальт сгодится в качестве постели. Мы минули еще пару километров, когда нам открылся узкий участок железной дороги, по которой я раньше следовала к границе. Сойдя с рельс и

перевернувшись, посередине путей развалился на части целый пассажирский поезд. Оторванные вагоны разбросало по округе – и все как на подбор искореженные, переломанные и покрытые копотью. Из разбитых окон выглядывали человеческие руки, чернеющие от сажи и разложения. Даже Грейс промолчал, лишь буркнув без всякого притязания на привычную колкость:

– Должно быть, двадцать седьмого августа шел ночной маршрут из Анкориджа до Фэрбенкса. Бедняги.

Позже, даже смыкая от усталости веки, я все равно отчетливо проглядывала сквозь них очертания мертвых рук. Обожженные до углей, молящие о спасении. Я думала об этом весь остаток дня. Сидя возле костра в приоткрытом гараже и поедая консервы, я никак не могла справиться с мандражом. До тех пор, пока не заметила, как Грейс свернулся калачиком возле груды шин, привалившись боком к спящей Барби. Крис Роуз же игрался с медной монеткой в руках, патрулируя местность с крыши заржавевшего пикапа. Оттуда открывался неплохой вид на пшеничные поля – на заросшие, бесхозные и поспевающие колосья, где, кроме дикой природы, больше ничего не осталось.

Без света фар, огней мегаполисов и дряни, выделяемой в атмосферу, небо казалось кристально чистым. Возможно, единственный повод пережить апокалипсис и остаться одному в этом безутешном мире – это увидеть россыпь звезд Млечного Пути, что видела я, запрокинув голову. Словно протяни руку и зачерпни горсть ладонью – вот они: яркие, сияющие, бессмертные! Не то что люди. Они – совершенство, а мы почти мертвецы.

Из мыслей меня вырвал протяжный вздох Криса, раздавшийся над самым ухом. Он рухнул на пол гаража рядом с костром сбоку от меня. От неожиданности я испугалась, и, заметив это, Крис утешающе улыбнулся, кивнув на снайперскую винтовку у меня на коленях. Поняв, о чем идет речь, я виновато улыбнулась и отвела в сторону дуло, которое инстинктивно навела в направлении его живота.

– Ты не обижаешься, что ребята зовут тебя Джем? – спросил он.

– Нет, я понимаю. В ваших прозвищах главное лаконичность... Ну и немного логики. – Я потерла пальцами подбородок, и от зимних варежек ссадина, заживающая на ладони, начала чесаться. – Джейми от Джеремиа, а Джем – от Джейми.

– Почти, – хмыкнул Крис и, откинувшись на пустые канистры, снова подбросил медную монетку, внимательно следя за тем, какой стороной она упадет на сей раз. – Только Джем не потому, что Джейми.

Я нахмурилась.

– А почему тогда?

Вдалеке захлопали крылья белых сов. Я невольно схватилась за свою винтовку, вечно готовая к неприятностям, но Крис спрятал монетку и перехватил мою руку до того, как я успела бы прицелиться в пустоту. Он заставил меня шумно выдохнуть и положить оружие на место.

Прошло около минуты до той поры, как Крис все же ответил, медленно разжав свои теплые пальцы поверх моих и снисходительно улыбнувшись:

– Джем – как вишневый или абрикосовый джем. Ты когда-нибудь замечала, что я даже макароны с сахаром ем? Так вот. Они назвали тебя джемом потому, что я питаю сильную слабость к сладкому.

11. Самый глупый человек на Земле

«Я питаю сильную слабость к сладкому».

Боже, он правда это сказал?! Джем – потому что я для него как сладость? Или это намек, что я такая же липкая (от пота и постоянной ходьбы ведь так и есть!) и приставучая? Интересно, может, он вообще просто пошутил, чтобы разгадка прозвища не казалась мне столь легкой...

Кажется, я думала об этом еще два часа после того, как мы с Крисом поговорили. Отчасти именно это не позволило мне заснуть крепким сном на ночном дежурстве, как уснули все остальные. Да что там!.. Я думала об этом даже когда завтракала банкой газировки с просроченным тунцом. Лишь благодаря этому за целый день пути я умудрилась ни разу не поцапаться с Грейсом. Нам обоим показалось это значительным прогрессом и знаком временного перемирия. Правда, очень временного.

Мы обедали в столовой заброшенного мотеля, похожего на тот, в котором я однажды остановилась, прежде чем наткнуться на Верити и повстречать группу из МЗВ. Крис хотел пройти еще дюжину километров перед тем, как обогнуть Анкоридж, в который категорически отказался входить, и двинуться обратно к лагерю. За все это время мы так и не встретили ни одного выжившего. Правда, нашлись и хорошие новости: банши мы тоже не повстречали.

Эта ночь должна была стать той, когда я уйду, прихватив с собой снайперскую винтовку Тото и бесовестно своровав несколько банок консервированной кукурузы из чьего-нибудь рюкзака. Чувство вины за лицемерие и будущее предательство приходилось топить в банке с говяжьей тушенкой, чтобы не проболтаться.

– Ой, посмотрите-ка, – Грейс жестко ухмыльнулся, прервав мой внутренний монолог и изрядно подпортив аппетит. – Кое-кто строит из себя монашку. Вот только не прикидывайся, будто не рада, что Крис и все мы готовы сдуть с тебя пылинки.

– Что? – Я поперхнулась и перестала жевать. – О чем ты?

Грейс вынул из внутреннего кармана куртки блок чрезмерно толстых ментоловых сигарет и закурил.

– О том, что Крис делает для тебя.

Я отложила походную вилку, предугадывая, что к концу разговора желание доест так и не возвратится. Заметив, с каким недоумением я смотрю, Грейс безбожно выругался.

– Постоянные привалы, в которых никто из нас не нуждается, кроме разве что тебя, слабачки. Снайперская винтовка Тото, болтовня в лунном свете наедине... Ты ему просто нравишься, – сообщил он небрежно, а в следующую секунду плюнул на землю в паре дюймов от моего сапога. – Не ищи здесь смысла. Сплошной инстинкт к размножению. Ну или чувства... Кто как зовет.

– Ко мне? – недоверчиво уточнила я, отчаянно стараясь не выдавать своего треволения и заинтересованности. – Ну хорошо, эксперт Грейс. Если тебе есть что еще сказать мне по этому поводу, то я слушаю.

– Сам Бог бы не узнал, почему ты вообще кажешься ему симпатичной. Только посмотри на себя, – Грейс снова фыркнул и обвел меня рукой. – Может, просто баб нормальных давно не видел? Скорее всего, так и есть, здесь ведь и выбора-то нынче особо нет. Только ты да Барби с Ватой. Считай, то же самое, что выбирать между дырявым носком и грязным.

– Спасибо, Грейс, – буркнула я, поднимаясь на ноги. – Ты настоящий джентльмен. Теперь все?

Грейс не ответил. Лишь безразлично пожал плечами и побрел вдоль шоссе по команде Криса выдвигаться дальше. На этом наше с Грейсом перемирие подошло к своему логическому завершению.

Прежде я никогда не позволяла себе задумываться о каких-либо чувствах к Роузу. Я испытывала их, но душила еще в колыбели. Такие чувства – худшее, что может случиться с женщиной: основанные на смазливом личике, они не могли привести ни к чему хорошему.

Я сравнялась в шаг с Крисом и незаметно покосилась на его лицо. Точеный профиль, жилистое телосложение. Стан истинного военного, каким, несомненно, он когда-то был. Он обладал на удивление пронизательным умом, стратегическим мышлением и твердой силой воли. Об этом говорило его лидерство в лагере, когда в МЗВ нашлись бы кандидаты и постарше, и посolidнее. А еще он наверняка лучший из всех мужчин, что еще остались в живых на этом свете. Разве этого недостаточно, чтобы малодушная студентка влюбилась?

– Джем, все в порядке?

Я споткнулась, заглядевшись на него, пока мы пересекали железнодорожный мост над шоссе. Крис вежливо сделал вид, что не заметил этого, и придержал меня под локоть, не давая упасть.

– Ветер поднимается, – сказал он после, глянув на сосны, раскачивающиеся из стороны в сторону. – Нужно искать место для ночлега. Думаю, затишье под мостом как раз подойдет. Давайте спускаться.

Я схватилась за руку Криса, протянутую им как первому спустившемуся со склона, и спрыгнула вниз. По мере путешествия наши прикосновения повторялись все чаще, а разговоры все реже, не считая того раза в гараже. Только взгляд пронзительных голубых глаз, жар на моих щеках и горячие пальцы под моими (уже без перчаток). Роуз любезно помог спуститься и Барби, но, хотелось бы верить, не так же бережно, как помог мне.

– Сыграем в игру?

Это раздалось из уст Грейса, когда все мы грелись у костра, разведенного при помощи керосиновой зажигалки. Каждый тянул к нему руки, очоленные от ноябрьского минуса на термометре. Все переглянулись друг с другом, и по их лицам я поняла, что я единственная, кто не в курсе, о чем идет речь.

– Ты что, предлагаешь сгонять в бейсбол? – шутливо предположила я, на что Грейс многозначительно скривился.

– Если ты побежишь искать мяч и свалишь отсюда, то да, в бейсбол. Но вообще я говорю о другой игре. Мы назвали ее «Я – самый глупый человек из последних людей на Земле», когда еще старина Тото был вместо тебя, всезнайка. Он-то обожал играть. Настоящий мастер!

– Глупая игра под стать глупым мальчишкам, – съязвила Барби, снова вперив взгляд в раскрытый блокнот, в котором помечала все наши находки и маршруты, пройденные за день.

Роуз доходчиво объяснил:

– Суть игры заключается в том, чтобы перечислять все, что ты не успел сделать до конца света и, вероятно, уже не сделаешь. Есть только одно правило: все звучит интереснее, когда начинаешь с одинаковой фразы. И, – Крис запустил руку в рюкзак, вытягивая оттуда серебряную флягу. Наполнена она была отнюдь не водой, судя по тому, что он сказал дальше, весело отхлебнув и поморщившись: – Я самый глупый человек из последних людей на Земле, потому что никогда не смогу выпить настоящего шотландского виски, ведь уже никогда не попаду в Шотландию. Вряд ли в живых остались пилоты «Боингов». Проклятая география, что б ее!

Я приподняла одну бровь. Моя фантазия никогда бы не дошла до подобного занятия. Каждый раз напоминать себе, чего уже никогда с нами не случится, переживать потерю возможностей снова и снова... А затем смеяться над этим. Почему бы и нет?

– Можно мне попробовать?

Грейс явно не рассчитывал на мое участие, а оттого был потрясен. Выхватив из рук Роуза флягу, он всучил ее мне. Крис заворчал, напоминая, что та рассчитана всего на литр.

– Кто говорит, тот пьет, – сказал Грейс. – Так проще. И смешнее. Поверь.

Я неуверенно принялась к стойкому запаху спирта под откупоренным горлышком. Стараясь не перемениться в лице, я сделала маленький глоток. В памяти был еще свеж день, когда я пила в последний раз. То был супермаркет в Фэрбенксе, где я лежала под одним из прилавков, перебив все бутылки и медленно поглощая бурбон. С тех пор я зареклась не брать ни капли в рот до тех пор, пока не дойду до семьи. Если бы они оказались живы, я бы напилась снова, лишь чтобы отпраздновать; если же мертвы, то не придумать самоубийства оригинальнее, чем передозировка русской водкой.

И вот я снова пью, только на этот раз разбавленную настойку. Кто бы мог подумать, что нарушать обещания так просто, когда ты теперь не уверен, доживешь ли до завтра?

– Я самый глупый человек из последних людей на Земле, потому что никогда не смогу признаться сестре в том, что бросила ее и уехала на Аляску не из-за учебы. Я уехала, потому что мне было невыносимо находиться в доме, где когда-то жили наши родители.

После терпкого варева эти слова действительно дались мне просто. Поймав на себе тревожный взгляд Криса, я тут же отвернулась, догадываясь, о чем он думает. О жалости, конечно. Я начала смотреть на Грейса, с облегчением отметив, что он снова смеется надо мной. Впервые смотреть ему в лицо и вспоминать о том, какой он полудурок, показалось мне приятной альтернативой.

– Вау! А у тебя, оказывается, сердца нет. Десять очков тебе за это, Джем, – сказал он.

Я вслепую подала флягу Барби, на что та молча сделала глоток и перекинула ее в варежки Грейсу.

– Я самый глупый человек из последних людей на Земле, потому что никогда не смогу записаться на балет. Моя мечта... С шести лет.

Это был первый раз, когда я почему-то засмеялась. Видимо, алкоголь дал о себе знать. Он был таким крепким, что позволил мне не сойти за идиотку: едва распробовав настойку, засмеялись и остальные. Даже Барби, чуть поколебавшись, усмехнулась. Фляга перешла к Грейсу, а затем снова к Крису и ко мне. Так продолжалось по кругу. Пока тлел костер, вместе с ним тлели и наши страхи: делясь скорбью и высмеивая ее, мы освобождались от своей ноши.

Спустя полчаса щеки нестерпимо горели, голова кружилась, а фляга почти опустела. И мне впервые было хорошо. Я забыла поужинать, поэтому три глотка довели меня до той кондиции, в какую меня обычно приводила половина бутылки. Опрокинувшись на свернутое покрывало, я наблюдала за тем, как Крис разбивает палатку. В отличие от меня, Грейса и Барби, он, похоже, почти не опьянел. Но все равно улыбался, поддерживая игру и периодически выдавая перлы. Постепенно целью игры стало не облегчить душу, а переплюнуть в нелепости другого, и Грейс пояснил, что изначально вообще-то придумывал ее вместе с Тото именно за этим. И сам же в итоге уделал всех нас:

– Я самый глупый человек на Земле, потому что я девственник.

О такой тишине, которая возникла, пишут в комедийных пьесах: треск углей, свист ветра, замерший у готовой палатки Крис. Я на миг отрезвела, раздумывая, как он вообще додумался изречь такое. И, честно сказать, его храбрости я даже позавидовала.

– Пожалуй, всем пора спать, – хмыкнула Барби, стоило ей поймать на себе испытующий взгляд Грейса, полный очевидных надежд на эту ночь.

Разочарованный, он лег на бок и повернулся спиной, что-то бормоча себе под нос. Барби же схватила свой «люгер» и ушла от нас на дежурство, пошатываясь. Я все ждала, когда кто-то наконец засмеется, потому что мне смеяться хотелось безумно.

– Грейс, – окликнул парня Крис, давась хохотом. – Парниша, ты победил. Поздравляю. Ты – самый глупый человек из последних людей на Земле.

– Ой, да пошел ты. Мне ведь только семнадцать пару недель как исполнилось! Я не виноват, что все девчонки вымерли раньше, чем у меня устаканились гормоны!

Роуз цокнул языком и отвернулся, раскладывая вещи, пока я незаметно взяла флягу с каплями настойки на дне. Поднявшись, я постаралась улизнуть на другой конец мостовой, чтобы допить содержимое и немного остыть. Тогда я не учла того, что еще пара глотков способны довести меня до такого провала.

– Джем, поспишь в палатке, а завтра поменяетесь с Барб и...

– Знаешь, а я понимаю Грейса.

Из всего, что только могло найтись в моем воспаленном мозгу, из уст у меня вырвалось именно это. Пригубив оставшуюся треть настойки, я чувствовала себя слишком легкой и веселой, чтобы утруждаться самоанализом. А стоило бы. Все смешалось: раздумья, чувства, шутки. И настойка не позволяла мне остановиться. Оставалось лишь понадеяться, что Крис не услышит или не проявит интерес к сказанному, но вместо этого...

– В каком смысле?

В его голос просочился энтузиазм. Подходя ближе, он отвинтил крышку от бутылки с родниковой водой. Крис не выглядел пьяным, и без понятия, что в этом было виновато больше: мужской метаболизм или то, как давно я не пила спиртного, в то время как для Криса это – занятие традиционное.

Я слизнула с губ сладость и посмотрела ему в лицо. На нем играли блики высокого кострового пламени, отбрасывающего тени.

– В смысле, – начала я, и в голове тшечно забилося: «Заткнись! Заткнись! Заткнись!» – Мне тоже обидно умирать девственницей.

«О боже. Ты это сказала. Ты конченная дура, Джейми.»

Крис закашлялся и быстро отодвинул от лица бутылку, чтобы нечаянно не разлить.

– Что?

Я нервно сглотнула, вцепившись пальцами в бетонный блок моста, на котором сидела. Под кожу вонзились шероховатости камня. Стоит ли сдерживаться? Если я действительно умру, будет ли важным все то, что может наговорить один несчастный выживший другому? Разве слова сейчас хоть что-нибудь стоят? А дурацкие шутки? А признания под горькое пойло? Нет.

Так чего я боюсь?

– Мне девятнадцать лет, а я еще ни разу не была с мужчиной. – Я вскинула руку и обвела рукой лес вокруг моста. – Здесь – ни души. Нигде. Почти все человечество вымерло, уснуло, или называй это как хочешь... Мы на грани вымирания, а я девственница. Во-от так.

Крис слушал меня с неподдельным интересом. Хотя от настойки померещится и не такое. На самом деле он, вероятно, пытался понять, издеваюсь я или нет. В разгар апокалипсиса я думаю о том, что по-настоящему не в курсе, что же такое секс. По-моему, такая дурость куда страшнее невинности.

И, вздохнув, я закрыла глаза и добавила:

– Прости. Я несу полный бред.

Крис все-таки допил воду и, спрятав бутылку, криво улыбнулся.

– В наше время бред – разновидность нормы. – Сделав улыбку чуть мягче, он вдруг спросил: – И давно тебя беспокоит твоя... девственность?

Я снова схватилась за флягу и потрясла ее над ртом, надеясь, что оттуда выльется хоть пара капель, потому что не смогла бы продолжать начатый разговор, если бы протрезвела.

– Нет, – призналась я, бесстрашно выдержав взгляд Криса благодаря горячей волне опьянения, что запоздало накатила на меня. Закрыв высушенную флягу, я швырнула ее куда-то к костру и чуть не угодила по голове дремлющего Грейса. – Она беспокоит меня только, когда я смотрю на тебя.

«Хм, надо же, а я думала, что ничего хуже ты ляпнуть уже не можешь. Bravo!»

Под мостом было слишком темно, чтобы Крис заметил, как сильно я зарделась, осознав сказанное. Но лучше бы эта темнота скрыла мои дурные слова, а не румянец. Увы...

– Это не намек, – тут же пробормотала я, трясая головой. – Я не имела в виду, что это предложение помочь мне или оскорбление в твой адрес...

– Оскорбление?.. Как такое может быть оскорблением?

– Ну, я не знаю, что ты мог подумать... В общем, просто забудь, ладно? Я сама справлюсь со своей девственностью.

Крис хохотнул, но быстро стиснул зубы. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что он едва сдерживается, выслушивая меня.

«Пожалуйста, Джем, просто прыгни в костер и сгори дотла. Сейчас же!»

– Как только я увидел тебя, сразу понял, что ты очень самостоятельная девушка, но не ожидал, что настолько, – насмешливо протянул Крис. – Ладно, идем.

– Куда? – испугалась я, глядя на ту решимость, с которой Крис оторвался от угла мостовой и взял меня за руку. Наверно, я выглядела действительно потрясенной, потому что Крис все же дал себе волю рассмеяться, приглушенно и хрипло, а затем поставил меня на ноги, подгибающиеся в коленях от волнения.

– Спать, Джем, – снисходительно ответил он, упрямо потянув меня в сторону палаток. – Тебе нужно проспать.

Не знаю, какой именно вздох вырвался из моей груди – облегченный или расстроенный, но это было к лучшему.

В полумраке низкой походной палатки его глаза напоминали два матовых черных агата с серебряным блеском. Такого цвета бывает сталь. Из стали словно был выточен и сам Крис, присевший на подстилку, как только села я: твердые плечи, тяжело вздымающаяся грудь, острый взгляд. Он смотрел на меня так строго и жестко, словно я была его военным рекрутом. Причем провинившимся. Не будь я так слаба от сонливости и алкоголя, то точно бы не поборола инстинктивное желание подскочить на ноги, разорвав потолок палатки, и встать по стойке «смирно».

Но в следующую секунду Крис сделал то, на что человек из стали просто не мог быть способен: он резко подался вперед и поцеловал меня. Это был короткий и быстрый поцелуй, пронзительный, как и его извечно сосредоточенный взгляд, но такой обжигающий и нежный, что в моей голове тут же стерлись все ассоциации с металлом.

Нет, Крис не просто сталь. Он – раскаленное серебро.

Губы мягче сахарной ваты, сладкие от родниковой воды, горячие и сухие, как морской песок. От него пахло дымом, спиртом и сырым мхом, и одного глотка этого запаха было достаточно, чтобы я опьянела не хуже, чем от настойки. Крис отстранился так же резко, как и прильнул ко мне. Склонив голову, я прижалась лбом к его плечу, пытаюсь не задохнуться от смешанных эмоций и тепла, растекающегося по телу до самых лодыжек.

– Знаешь, Джем, – прошептал Крис, склонившись к моему уху так близко, что мурашки со спины перекинулись на шею. – Если бы ты рассказала про свою девственность на игре, то ты бы выиграла.

Я хихикнула и, когда Крис покинул мою палатку, перевернулась на бок и уткнулась лицом в одеяло, пытаюсь подавить нелепую улыбку, чтобы случайно с ней не уснуть.

Я самый глупый человек из последних людей на Земле.

И мне это нравится.

12. ОХОТНИК

Из всех звуков, которыми наполнилась ночная Аляска, меня разбудил именно выстрел.

Сначала я приняла его за обрывок сна, который мое сознание перенесло в реальность: я заерзала, с трудом разомкнула веки, налитые свинцом от выпитого, и приподнялась, вслушиваясь.

Тогда выстрел повторился снова.

– Барби! Нет!

Тишину прорезал женский визг, а затем грохот огнестрельной очереди стал нарастать. Одна из пуль просвистела над самой моей головой и снесла крышу палатки, оставив несколько сквозных дыр в глянцевой ткани. Я перекадилась к выходу и рывком порвала застежку проема, выбираясь наружу.

– Джем!

Костер затух, и лишь редкие искры танцем взвивались в воздух к еще темному ночному небу. Вряд ли я успела проспать больше четырех часов до того, как на нас напали. Я попыталась подняться, но очередная пуля встретилась с деревом где-то рядом с моим плечом, подняв за собой облако стружки. Я вскрикнула и рухнула обратно наземь, решив, что так будет безопаснее.

– Джем!

Крик повторился, и я узнала в нем Криса. Я ползком двинулась на его голос, судорожно соображая, где оставила свою винтовку перед тем, как превратиться в бессознательное тело. В эту ночь я должна была покинуть лагерь, чтобы двинуться дальше к семье... Все было спланировано и подготовлено, кроме того, что я умудрилась напиться и потерять сознание. Успело прозвучать еще несколько выстрелов, прежде чем я вспомнила, что сложила сумку с припасами и оружием у кромки моста, чтобы было проще сбежать.

Под гул выстрелов тяжело сориентироваться в темноте, и все, что мне оставалось, – это упрямо ползти дальше, молясь, чтобы одна из пуль случайно не разделила мою голову с шеей. Щупая ладонями грунт, я вдруг почувствовала, как пальцы коснулись носков чьих-то ботинок. Я не успела вскрикнуть, как сильная рука ухватила меня за пояс и перекинула за ограждение мостовой в заросли травы.

– Тише!

Я оказалась опрокинутой на спину и увидела, как надо мной оказался Крис. В следующую секунду он за шкирку поднял меня и, стиснув пальцами мое запястье, ринулся в рошу.

– Бежим! Скорее!

И я послушно побежала, стараясь не отставать и не спотыкаться, хотя подошва соскальзывала с промерзшего склона. От ветра, мешающего дышать, закладывало уши, и выстрелы позади смолкли. Я в очередной раз едва не подвернула ногу и вцепилась ногтями в руку Криса, боясь сорваться и потерять его в ночи. Бушующее пламя разрывало грудную клетку, требуя передышки.

– Крис! – воскликнула я, когда ноги в очередной раз подкосились и, если бы не его рука, подхватившая меня, я бы точно воткнулась носом в грязь. Силы были на исходе. – Остановись! Он отстал! Все затихло, слышишь?

– Нет. – Крис рычал, и дыхание его было не менее тяжелым, чем мое, но останавливаться он действительно не собирался. – Он еще здесь. Он подстрелил Барби, затем разделил нас с Грейсом...

– Крис! – Я резко уперлась ногами в землю и взбрыкнула. Пальцы Криса ослабли, и, затормозив, я упала, распластавшись на земле.

Небо постепенно становилось светлее, темнота вокруг рассеивалась. Но все, что пока еще было видно, это лишь очертания вековых стволов и блеск голубых глаз, когда Крис присел напротив, помогая мне оклематься.

– Как это случилось? – сипло спросила я, жадно глотая кислород и собственную панику.

– Я заснул, – виновато признался Крис, опускаясь на корточки и снова беря меня за руку. Будто боялся, что тьма опять разъединит наш маленький отряд, как уже сделала это прежде. – Я... Тот человек... Снайпер. Он стрелял с моста. Пытался напугать, чтобы мы бросились врассыпную, и, кажется, попал в Барби, когда она начала стрелять в ответ. А Грейс... Я потерял его из вида.

– Мы вернемся туда? – Я приподнялась, наконец, отдышавшись. – Мы ведь должны вернуться за ними.

– Только после рассвета, и то это слишком рискованно, – Крис покачал головой и прислонился спиной к дереву, потирая переносицу. – Если Барби и Грейс выжили, мы встретимся с ними в МЗВ. Возможно, на нас напал тот, кого мы искали все это время, кто убивает спящих... Выживший. Как мы.

– Тото прикончит меня за винтовку, – сказала я. – Я... Я оставила ее там, как и все свои вещи.

– Зато я прихватил кое-что. – Крис выудил из-за пазухи запасной револьвер, а затем скинул к моим ногам небольшую дорожную сумку. – Здесь пара сухих пайков, вода, инструменты, одеяло и небольшая армейская аптечка со шприц-тюбиком – обезболивающее и пенициллин. На экстренный случай, до которого авось не дойдет.

Крис попытался улыбнуться, и это я поняла даже не видя, как шевелятся его губы. Он потряс сумкой, снова закидывая ее за плечо, а затем вдруг застыл. Воздух вокруг нас будто застыл тоже.

– Джейми...

Выстрел.

Очередная пуля расколола пополам нашу безопасность, наше удачное спасение, как режет скальпель на хирургическом столе. Мы снова были не одни.

А затем меня оглушил надрывный стон раненого Криса.

Я пригнулась к нему, рыская руками по его куртке, пока не нащупала долгожданный револьвер и не вскинула его вверх, целясь в пустоту. Револьвер был заряжен, и, выпустив в лес почти половину барабана, я молилась, чтобы хоть одна пуля угодила в цель.

Затем я прислушалась: ничего. Я простояла так несколько минут, боясь пошевелиться. Гулко кричали совы. Я внимательно вглядывалась в деревья, пока не поняла, что выстрелов больше не будет. Кто бы нас ни преследовал, он ушел.

– Твою мать! – Я спрятала револьвер за пояс ремня и наклонилась, помогая Крису встать. В небе зародился рассвет, и я увидела кровавое пятно, в которое превратился его живот. – Дело плохо...

– Ты умница, – едва слышно выдохнул Крис, прижав алеющие пальцы к простреленному боку. – Нельзя останавливаться. Пойдем.

– Я уже не буду умницей, если позволю тебе умереть!

Крис рвался вперед, но я насильно усадила его под одним из деревьев. Длинных ветвей дуба было достаточно, чтобы прикрыть нас от любого снайперского прицела. Я осторожно содрала с Роуза куртку вместе со свитером, пропитавшимся кровью, и отбросила их в сторону. Подтянув к коленям дорожную сумку, я порылась в инструментах, пытаясь отыскать что-то полезное.

– Я... Я не знаю... Что делать, Крис? Ты истекаешь кровью, а я пропустила все встречи бойскаутов в школе!

– Найди пинцет, нейлоновые нитки и иглу, – выдавил он, из последних сил зажимая рукой рваную рану под ребрами. Я старалась пока не смотреть на нее, чтобы не отключиться раньше времени. – Пуля прошла не насквозь, она где-то там. Надо вытащить, чтобы не было заражения. Когда сделаешь это, кровь пойдет сильнее, но мы ее остановим. Для начала возьми зажигалку в кармашке и накали пинцет.

Пальцы так тряслись, что, найдя пинцет, я несколько раз уронила его, но глумливый взгляд Криса, на который он не поспешил даже в таком состоянии, привел меня в чувства.

– Ладно-ладно! – Я подставила пинцет под горящую зажигалку, пока не почувствовала, как подушечки пальцев обжигает впору накалившаяся сталь. – А дальше?

– А дальше лезь в рану и вытаскивай пулю. Не бойся, у меня высокий болевой порог.

Я захлопала глазами и уставилась на Криса.

– Ты издеваешься?!

– Просто сделай это! Пожалуйста, Джем. Я не смогу сам.

И это было неудивительно. Внешний вид Криса нельзя было назвать просто пугающим. Он выглядел до неотре- зимости ужасно! Меловое лицо, лиловые губы и окровавленные пальцы, жмующиеся к остро выступающим ребрам. А еще голубые глаза, весело горящие на фоне.

Разве у меня был выход?

От напряжения стало так жарко, что пришлось снять куртку. Я забрала за уши волосы, крепче сжала пинцет и наклонилась над его животом. Кто бы мог подумать, что, увидев Криса полуголым, я буду думать не о том, какой рельефный у него торс, а как бы не вытошнить прямо ему на джинсы.

На улице почти рассвело, и, благо, мне не приходилось тыкать наугад. Пальцы были липкими от крови и слабыми. Пинцет то и дело норовил выскользнуть, но, собравшись с духом, я осторожно отодвинула края раны и проникла острием пинцета внутрь. Струйка крови хлюпнула, побежав в траву.

– Господи, да хватит дергаться! У тебя что, ногу свело?!

– Нет, – глотая слюну, капающую от боли, прошипел Крис. – Мне просто прострелили бок, а ты наживую достаешь из меня пулю. Какая уж тут судорога... Ай!

А затем – снова тонна неприличной брани и ругательств, какую я никогда не осмелюсь повторить вслух.

– Может, просто твой тубик-шприц используем, а? Ты говорил, в нем обезболивающее.

– Не сейчас. Надо экономить. Черт!

Крис неестественно скрючился, прокусывая себе губу. Я убрала трясущиеся руки от его ребер и расвирепела:

– Мало того что ты мне мешаешь, так я еще рану почти не вижу за этими волосами!

Вдоль живота Криса действительно тянулась дорожка жестких темных волос, уходящих вниз под ремень плотных брюк. Так по-мужски. И весьма привлекательно. Но только не тогда, когда ты успеваешь заметить это, ковыряясь в чей-то плоти.

– Знаешь, спасибо, – выдохнул Крис, почти улыбнувшись. – На секунду мне стало так неловко, что я даже забыл о боли. Можешь продолжать в таком духе?

– Хм, – я вытерла руки о свой побагровевший свитер и снова взялась за пинцет. – Как насчет этого твоего «У нас всего один обезболивающий шприц, поэтому я потерплю. Правда, буду скулить и дергаться, как уж на сковородке. Но я ведь мужчина!».

– Да, пойдет, – прохрипел Крис, в полубомороке закатывая глаза. Испугавшись, я тут же выпалила следующее:

– А еще у тебя очень смешно раздуваются ноздри, когда ты пытаешься не расплакаться от боли и скрываешь это за истерическим смехом.

– Продолжай. – Его кивок снова сопровождался тем самым гомерическим хохотом, про который я говорила. – Значит, тебя раздражает мой характер, мои волосы и мои ноздри... А что еще?

«Ничего, – пронеслось в голове, пока я сосредоточенно копалась в его ране. – Ты идеален, Роуз. Но я не могу сказать это вслух, потому что ты просил меня смущать тебя, а не... Секунду. Что может смущать больше, чем признание в любви?»

– А еще при всем этом я считаю тебя очень сексуальным. У тебя теплые губы, и ты отлично целуешься. Кажется, я влюбляюсь, представляешь?

Крис сжал побелевший рот и затих, сбитый с толку. Его смех смолк, а глаза перестали закатываться.

Это была фора в несколько секунд. Я нажала на пинцет и, нащупав под ним что-то твердое, ухватилась. Шумный выдох. Рывок. Брызги крови и упавший на землю пинцет с зажатой в нем пулей. Сделано.

Крис вскрикнул. Я прижала к его боку чистые бинты, останавливая красную реку. Мне хотелось ликовать, но, подняв глаза к его лицу, я увидела, что все стало только хуже. Сухие светлые губы, абсолютно тусклое лицо, сомкнутые веки... И прерывистое дыхание, такое слабое, что казалось, Крис не дышит вовсе.

– Ты достал меня, Роуз! – разозлилась я и вытащила из сумки единственный и последний шприц-тюбик.

– Джем... – услышала я, но не позволила себя остановить. Обнажив иглу, я без раздумий вогнала ее до упора ему в бедро.

Роуз испустил жалобный всхлип, а уже спустя секунду блаженно обмяк под деревом и наконец-то открыл глаза. Его взгляд прояснился. И почему я не сделала это сразу?

– Зачем? – тихо спросил он. – Я же просил сберечь...

– Даже ценой твоей жизни? – мрачно осведомилась я, забросив куда-то за плечо опустевшую колбу. – Ты бы только видел себя! Едва лапы не склеил. А зачем лекарства мертвецу?

Крис посмотрел так, будто наконец-то понял, что я права. Затем он снова прикрыл глаза, позволив себе расслабиться. Шприц заглушил боль в его теле и помог крови остановиться. Пока лекарство действовало, надо было закончить работу и зашить отверстие от пули. С этим все прошло куда легче: Роуз почти не дергался, а если и шипел, то быстро брал себя в руки.

– Никогда бы не подумала, что буду шить человека. Я раньше и носок-то зашить не могла! Да и крови боялась, – бормотала я.

Когда руки наконец перестали дрожать, я затянула последний узелок на рваной коже и выдохнула.

– Спасибо, – произнес Крис, и я покрылась такими мурашками, что стало щекотно. – Это, наверное, было трудно...

Наверное?

Я ухмыльнулась и, промолчав, поднялась с онемевших колен. Выложив из рюкзака одеяло и отыскав флягу с водой, я подтерла кровоподтеки на животе Криса и дала ему попить. Затем отошла, чтобы прополоскать руки и смыть кровь уже с себя. Мне едва не поплохело от этого зрелища: земля подо мной окрасилась в пурпур. Я была вымазана в крови Криса с головы до ног. Как хорошо, что я не замечала этого раньше.

– Джем.

Я выпрямилась и вытерла мокрые руки о джинсы. Крис, голый по пояс, по-прежнему сидел под деревом, прямо на заледеневшей траве. И ему, наверное, было очень холодно и от мороза, и от кровопотери. Вот дура!

Я сняла свою куртку и укрыла его. Меня все равно согревало облегчение.

– Тебе плохо? – спросила я встревоженно, уже готовая к тому, чтобы снова начинать борьбу за его жизнь.

Крис потряс головой.

– Ты сказала, что влюбляешься в меня... Ты просто пыталась меня отвлечь?

Я запнулась. Наверное, если бы не холодный ветер и стресс, я бы сгорела от стыда. Но, совладав с собой (как делала уже не раз за сегодня), только придвинулась ближе. Отодвинув в сторону куртку, я склонилась к животу Криса, чтобы проверить рану.

– Чертовы волосы... – вздохнула я, но тут же осеклась. На этот раз я говорила о собственных волосах, тех, что постоянно выскальзывали из-за уха, тоже слипшиеся в его крови. Они падали мне на лицо, мешая видеть.

– Я подержу, – вызвался Крис неожиданно, а в следующий миг я почувствовала его бесильные, ледяные пальцы на своем виске, когда он, осторожно забрав локон, прижал ладонь к моей скуле.

Дыхание предательски сперло.

– Кажется, все нормально, – подытожила я, отстраняясь. Рука Криса перестала удерживать мои волосы, но осталась лежать на щеке. Тогда я осторожно мотнула головой, стряхивая с себя его пальцы, чтобы прекратить этот до неприличия странный, но приятный момент.

Крис опустил руку и ухмыльнулся.

– Да, я действительно в норме. Только... Только... – Он вдруг потерял нить разговора и сощурился, с явным усилием воли держа глаза открытыми. – Кажется, Франки добавил в шприц успокоительное. Так хочется спать...

– Тогда спи, – шепнула я, в глубине души надеясь на это. Может, если он поспит, то забудет, что я наговорила ему в суматохе?

Крис беспокойно заерзал, поудобнее укутался в мою куртку и прижался затылком к дереву, соскользнув ниже к земле.

– Да, посплю, – согласился он. – Но... Сначала скажи... Ты просто пыталась меня отвлечь?

Сердце пропустило несколько ударов. Я ответила, стараясь не позволить голосу надорваться:

– Да, пыталась.

– И при этом... Соврала... Да? Ты ведь на самом деле не влюбляешься в меня?

Я не смогла разобраться, на что Крис надеется больше: на «да» или же на «нет». В ушах шумело. Отвернувшись от Криса, я несколько сотен раз прокляла себя за то, что не умею лгать. Я привыкла всегда говорить правду, но этот раз должен был стать исключением... Если бы только в этом был смысл. Зачем скрываться, когда каждый час может стать последним? И пуля с окровавленным пинцетом, лежащая у моих ног, служила тому доказательством.

Я зажмурилась и выдохнула:

– Да, я соврала. Я не влюбляюсь в тебя, Крис, потому что уже влюбилась.

Тишина. Она показалась мне оглушительной после всего, что мы пережили. Крис не ответил. Молчала и я. Я не смотрела на него, и это томление длилось больше минуты, пока мое терпение не лопнуло.

– Крис?

Я поборола трусость и медленно повернулась, а спустя секунду поняла, что все это не имело смысла: глаза Криса окончательно закрылись, и, неподвижно застыв, он даже перестал дрожать от холода. Мгновение испуга быстро сменилось радостью: приложив пальцы к его губам, я обнаружила мягкое, спокойное дыхание и поняла, что Крис просто уснул.

Как, черт возьми, вовремя.

Заботливо подоткнув Крису одеяло сверху куртки, я пересела под дерево напротив, положив на колени его револьвер. В ближайшее время спать не получится. Теперь за ним нужен глаз да глаз. Впрочем, это к лучшему. Я уверена, что во сне мне бы явилось альтернативное будущее – будущее, в котором Крис не потерял сознание и услышал меня.

Но такого сна не будет. И никакого будущего тоже.

13. Гори

Упоительный щебет тети, вынимающей яблочную запеканку из нутра духовки. Линяющий и мяукающий комок шерсти, который Джесс притащила с очередной ярмарки. Низкий тембр электрогитары из комнаты брата. Каждое утро дом переполнялся этими звуками, но сейчас вокруг было нестерпимо тихо. Лес.

Я открыла глаза и перевернулась на спину. Первичный запах древесной смолы уступил место аромату горчичного какао и тепла. Это было куда лучше, чем просыпаться от ледящих кровей выстрелов, но...

Когда я успела заснуть?!

Я резко поднялась, и голова закружилась. В глазах потемнело, и, осев, я забралась обратно под одеяло, которое должно было быть на Крисе, но лежало на мне. Притаившись, я заметила костер, от которого и веяло тем самым вымышленным домашним уютом. Рядом стояла металлическая чашечка с бурлящим шоколадом.

– Угощайся. Это завтрак. Достаточно роскошный в здешних условиях, надо заметить.

Я подняла взгляд выше, сонно взирая на взъерошенного Криса, размешивающего угли в костре длинной палкой. Его изнеможенное лицо освещала слабая, но ласковая улыбка. Потемневшие от сажи волосы топорщились в разные стороны, а спина была согнута, очевидно, от боли в зашитом боку. И тем не менее он двигался вполне бодро. Достав из сумки банку с сухой овсянкой, Крис отдал ее мне, а затем уселся рядом в одной куртке, натянутой прямо на голое тело. Куртка была его: похоже, моя пришлась ему не по размеру. Перед ним на костре уже вскипал ковшик с водой из наших запасов, где плавали размягченные пласты дубовой коры.

– Залей овсянку какао, – кивнул Крис на кашу, вскрывая банку точно такой же. – Получается очень вкусно.

– Зачем ты встал? – удивленно спросила я, смяв одеяло у ног, когда из-за разгоревшегося костра стало слишком жарко. – Ты должен отдыхать. Сколько времени прошло?

– Сейчас полдень. Я предоставил тебе заслуженный отдых.

– Это было мое дежурство, – зевнула я, беря в руки чашку.

Крис ухмыльнулся, набивая рот сладкой овсянкой.

– Так себе дежурство. Когда я очнулся, ты уже сопела. Револьвер, кстати, служил тебе подушкой. Еще бы чуть-чуть и...бам!

Я смущенно хмыкнула и принялась завтракать. Остудив темно-коричневый кипяток и смочив им свою рану, Крис крепко зажмурился.

– Это чай из коры дуба, – поведал он. – Дезинфицирует и заживляет. В отличие от тебя, я кружок бойскаутов обожал.

Забинтовывая себе бок, Крис умудрялся одновременно есть овсянку, как ни в чем не бывало. Наверное, я выглядела крайне впечатленной этим, потому что он улыбнулся и сказал:

– Мне уже гораздо лучше.

– Тебя подстрелили, Крис... Прошло всего несколько часов.

– На мне все заживает как на собаке. – Он осторожно приподнял угол куртки, обнажая моему взгляду криво зашитую рану, запекшуюся по краям. Сверху нее под бинтами лежал пласт ткани, смоченной в отваре дуба. – Я вытер твою куртку и сложил вон там. Надень, а то сегодня похолодало.

Я опустила глаза обратно на чашку, стараясь хотя бы за едой не вспоминать подробности вчерашнего дня: ни операцию, ни стрельбу, ни тем более мое признание в любви.

– И что, все было тихо? – спросила я, допивая какао. – Барби с Грейсом не объявились? А охотник?

– Как видишь. – Крис пожал плечами и поднялся. Стоило ему выпрямиться, как к синякам под глазами прибавился оскал. Под моим суровым взглядом Крис едва устоял от того, чтобы не застонать, прижав ладонь к боку. – Все... Все в порядке. Просто заканчивается действие обезболивающего.

– Значит, нужно найти еще, – вздохнула я, вставая следом. – Я могу поискать, а тебе нужно как следует выспаться. Я серьезно, Крис. Мы останемся здесь, пока тебе не станет лучше.

– К закату будем у МЗВ, если повезет.

Видимо, я прозвучала неубедительно: Крис проигнорировал меня и принялся собирать в походную сумку разбросанные вещи. Как он восстановился так быстро? Правда, вне всяких сомнений, его здоровье было преувеличено: под бинтами еще проступали свежие капли крови, а дыхание звучало как один сплошной хрип. Он держался молодцом, но ему все еще было плохо.

– До Анкориджа куда ближе, – решила заметить я. – Мы ведь почти дошли. Может, стоит остановиться где-нибудь там? Заодно и новое место для зимы подыщем, ты же...

– Нет. Никакого Анкориджа. Мы идем в МЗВ.

– Роуз...

Крис застегнул сумку и перекинул через плечо, захватив с травы мою куртку. Без нее оказалось действительно холодно, я была занята кое-чем другим: буравила взглядом Криса, сжимая в кулак пальцы и дожидаясь, когда он обратит на меня внимание.

– Кристофер!

Он вздрогнул и все-таки повернулся. Его лицо показалось мне растерянным. Быть может, то была реакция на полное имя, которое, на мой взгляд, звучало куда красивее всяких дурацких прозвищ. Крис смерил меня снисходительным взглядом, обошел местность по кругу и двинулся дальше в лес.

– Идем. Это приказ.

– Нас тут только двое, – закатила глаза я и, быстро натянув на себя брошенную куртку, нагнала Криса и сдернула с его плеча сумку. Он воспротивился, потянув за ремешок, но оказался еще настолько слабым, что сдался уже через секунду. – Это даже не отряд. Тут не может быть командира.

– Я все еще старше тебя...

– По возрасту или по званию?

– И так, и так. И у меня револьвер.

– Сомнительный аргумент. Тебя сейчас и тростью вырубить можно.

– Ты женщина, а я...

– Сексист?

Крис скривился, но замолчал. Я ухмыльнулась и, невольно повеселев от словесной победы, помчалась вперед, стараясь не подавать вида, что сумка оказалась куда тяжелее, чем я себе представляла, отнимая ее. Плечо нещадно тянуло вниз, но, вспомнив, каково сейчас приходится Крису, тут же передумала приbedняться.

– Возможно, когда мы вернемся, меня назначат новым лидером.

Я переступила через болотистый ров и оглянулась на Криса, глядящего куда-то в небо.

– С чего бы это?

– Ну, – я закусила губу, подавляя смехок и раздумывая, как лучше его раздражить. – Ты ранен, поэтому небоеспособен. Я же достойно проявила себя в условиях полевой больницы, так что... По-моему, я заслужила повышения. Или ты думал, что мне хватит одного какао в качестве моральной компенсации?

Крис усмехнулся, поняв, что я лишь подтруниваю над ним, и подыграл:

– Тогда добывать нам сегодня ужин тоже будешь ты.

– Без проблем. Я прекрасно охочусь на ребрышки в мясном отделе супермаркета.

Крис рассмеялся, и мне сделалось немного легче. Бархатный смех, пусть и наперебой с кашлем. На небритых щеках выступил почти здоровый румянец. В глазах, красных от усталости, появился знакомый блеск, и я залюбовалась им, улыбаясь. Перестав смеяться, Крис мягко улыбнулся в ответ. И это стало еще одним облегчением. Все будет хорошо.

– Кстати, не расскажешь, что твои вещи с винтовкой забыли в траве за мостовой? Или не будет.

Я замедлила шаг. Сосредоточенно оглядывая пролегающую тропу, которая должна была вывести нас к шоссе, я максимально тянула с ответом, пока наиболее уместные слова наконец не подобрались:

– Не знаю, – мой гениальный ответ. – Не помню, точнее. Наверно, перебрала с настойкой из твоей фляги.

– Когда мы играли у костра, ты уже была без винтовки. Выходит, ты оставила свои вещи до того, как мы начали пить, разве нет?

Я прочистила горло и как можно спокойнее парировала, приняв шутливый тон:

– Значит, оставила рюкзак там, чтобы забрать позже, когда установим палатку. Если бы я знала, что начнется обстрел, я бы прижимала винтовку к груди как новорожденного младенца, клянусь!

Я прошла вперед, выходя к кювету перед пустой автострадой, когда вдруг поняла, что не слышу сзади шагов. Остановившись, я сбросила сумку, чтобы дать плечу немного передохнуть. Когда я обернулась и нашла Крису заметно отставшим, то вдруг вспомнила одну маленькую деталь: раньше Роуз служил в полиции. Как я могла этого не учесть?

– Ты хотела сбежать, да?

– Не понимаю, о чем ты говоришь.

Крис облокотился о дерево. Ему было тяжело идти, но сейчас он стоял так, только чтобы продемонстрировать свое превосходство. Засунув руки в карманы куртки, он невесело ухмыльнулся. От его взгляда кожа под одеждой начала зудеть, точно покрытая щелочью.

– Ты ведь изначально не планировала оставаться, а тут тебе предложили занять место Тото, и все – ты напрочь забыла о семье в Джорджии...

– В Орегоне, – осторожно поправила я.

– Ты оставила под мостом свои вещи, чтобы удрать ночью, но напилась, а потом начался обстрел. Я прав? – Я будто одеревенела, неспособная пошевелиться. Крис расценил это как ответ, самый показательный из тех, что я могла дать. – Однако ты умеешь удивлять, Джеремиа.

– А чего ты ждал? – фыркнула я раздраженно. – Я ведь предупреждала, что у меня есть цель, и в моей жизни нет ничего важнее ее. А тут, на тебе, винтовка, припасы, сопровождение до Анкориджа... Ты бы поступил иначе?

– Воспользовался бы я доверием людей, которые приняли меня в семью? – уточнил Крис, подавшись вперед и заставляя меня попятиться, а затем вдруг замолчал. Желваки на его лице дрогнули, и все лицо застыло глиняной маской. Одни лишь голубые глаза остались живыми: в них плескалось куда больше эмоций, чем Крис считал нужным выразить. Он утопал в них, хватаясь за свою дисциплину, как за спасательный круг. В уголках его глаз пролегли лапки морщинок, а затем Крис броском сиганул на меня. Я дернулась, не сразу сообразив, что он, отодвинув меня с дороги, смотрит куда-то вверх.

– Дым.

Я облегченно выдохнула, но, когда тоже посмотрела, ужас вернулся.

– Там что-то горит.

И это «что-то» наверняка полыхало адским пламенем. Черный столб дыма, висящий в воздухе над лесом, невозможно было не заметить. Ветер раздувал любой намек на запах гари, как, видимо, и сам огонь, потому что клубы дыма становились все тучнее, темнея на фоне

пасмурных облаков. За миг до того, как я открыла рот и успела выразить свое предложение убраться отсюда подальше, Крис бросился бежать навстречу разгорающимся неприятностям.

Мне пришлось подхватить сумку и побежать следом.

В душе я лелеяла хрупкую надежду, что простреленный бок схватит Криса раньше, чем банши или охотник. Однако для раненого он бежал до безобразия резво: перепрыгивая поваленные деревья и кочки, он обгонял меня на пять метров. Впереди нарастал треск огня. В нем нас могло ждать что угодно, даже смерть, но Роуза это не волновало.

С пожаром нас разделяло куда меньшее расстояние, чем я думала: уже спустя несколько минут мы очутились на скалистой равнине без порослей, в центре которой возвышался фермерский дом. Загоны для скота пустовали, а деревянные стены, выкрашенные в темно-бордовый цвет, пожирала вспышка искр.

Я натянула на лицо воротник, стараясь не задохнуться от гари, что погнался на нас ветер. Ферма дребезжала: доски разламываясь, хрустели, и в вихре этого треска вдруг раздался детский плач.

– Пожалуйста, кто-нибудь! На помощь!

– Там ребенок. – Я шагнула ближе, взирая на крыльцо, оккупированное огнем, и принялась судорожно рыскать взглядом по окнам. – Там кто-то есть, наверху!

– Жди здесь.

С этими словами Крис вытащил из куртки револьвер и молча сунул мне в руки, а затем натянул на голову капюшон. В прошлые разы мне не удавалось остановить его до того, как он совершал необдуманный поступок, но сейчас я успела.

– Даже не вздумай! – рявкнула я. – Ты слаб, и у тебя в любой момент может открыться кровотечение. Это слишком опасно!

– Но я должен! – закричал Крис и ткнул пальцем на второй этаж горящего дома. – Мы оба слышали плач! Где-то там ребенок!

Я снова взглянула на дом, и время будто застыло. Пожар был не только там, откуда о помощи молило несчастное дитя, – пожар разгорался уже внутри меня, выжигая на своем пути все, кроме безысходности. А безысходность порой легко спутать с решимостью. Храбрость – опаснейшая зараза из всех, что передаются воздушно-капельным путем от одного глупца к другому.

Я пихнула револьвер обратно Крису вместе с походной сумкой и тоже закрыла лицо капюшоном.

– Тогда ждать здесь будешь ты.

Я увернулась от попытки Криса схватить меня, прицельно ткнув локтем в его раненый бок, чтобы выбить из равновесия. Перескочив через изгородь и амбар, я заскочила в подвал фермы, еще не тронутый пламенем. Вслед мне раздались гневные ругательства.

Адреналин не дал мне запаниковать, когда, толкнув дверь, ведущую на задымленный первый этаж, я не добилась нужного результата. Стараясь дышать в воротник, я ударила по двери ногой, а затем еще раз и еще, пока затвор не лязгнул. Дверь распахнулась. За слоем дыма ничего не было видно, и я ввалилась в него, стараясь пробраться к лестнице.

– Я здесь! Прошу вас!

Я кинулась на звук. Нам с Крисом хотя бы не показалось: на чердаке действительно заперся напуганный ребенок. Перепрыгнув еще несколько ступенек и оказавшись под самой крышей, которую снаружи уже лизал огонь, я увидела чумазого от копоти мальчика, жмущегося к оконной раме и даже не доросшего до подростка.

Лишь в тот момент я поняла, что забраться в горящий дом было задачей элементарной, а вот выбраться из него – задача куда труднее.

Я схватила мальчика за запястья, накинула на него пыльный ковер и потянула вниз к коридору, полыхающему жаром. Мне в лицо ударил язык пламени, вырвавшегося из спальни, и я отшатнулась, в отчаянии кинувшись назад.

– Козырек крыши с этой стороны? – запыхавшись, спросила я.

– Нет, с другой, – прошептал мальчик, глотая слезы. – Нам не выбраться. Извините.

Я зажевала нижнюю губу так сильно, что почувствовала привкус крови, разбавивший горечь пепла, что стоял во рту. Все не могло так закончиться. Только не на моей дурной отваге и очередном невезении! Не могло...

– Джем!

Я распахнула окно и жадно глотнула свежий воздух, увидев внизу Крису, размахивающего руками. Он хаотично разбросал под чердаком гигантские мешки из амбара, доверху набитые соломой.

Я обернулась на дрожащего мальчишку и натянуто улыбнулась.

– Ты когда-нибудь играл в Angry Birds?

14. Джин-рамми

– Джин!

Я оторвала взгляд от неравномерной кипы карт, разложенной у меня на ладонях, и вопросительно взглянула на сестру.

– У меня джин, – радостно повторила она и звонко засмеялась.

– Не может этого быть! Ты не могла собрать комбинации так быстро. Папа, скажи ей!

Метиас пальцем вернул съехавшие очки обратно на переносицу и пробормотал, не отрываясь от игры:

– И правда очень странно...

– Ничего странного! – возразила Джесс и, открыв свои карты одинаковых мастей и порядка, вальяжно откинулась на спинку стула. – Я всегда была чемпионом, и вот я снова выиграла. Точка!

– Не зазнавайся, пеппа³, – мягко пожурил ее отец, и я усмехнулась, когда Джесс покрылась белыми пятнами. Они всегда проступали, когда та начинала юлить и ерничать, скрывая ложь. Теперь сомнений в ее жульничестве не оставалось.

– Ты играешь в команде с мамой, милая, так что не подставляй ее. Каталин, amada!⁴ Твоя очередь.

Я взглянула на маму и улыбнулась, заметив, что та совсем не следит за игрой, глядя в телик. Она никогда не любила карты, даже когда они лишены азарта и служат лишь предлогом для семейных застолий. Здесь с ней был солидарен только Эшли: в такие моменты он предпочитал запереться у себя в комнате с чертежом ракетного двигателя, за который надеялся получить грант в инженерно-космическом университете. Каталин лениво потянула лимонную воду из стакана и вздохнула с напускным безразличием.

– Метиас, ты же знаешь, что я не умею в это играть. Сколько лет уже пытаюсь! Какой в этом смысл?

– Amada, – отец покачал головой, расстроенный, – я же сто раз объяснял! Необходимо просто собирать карты, одинаковые по масти или...

– А я согласна с мамой, – Джесс небрежно сбила локтем стопку сложенных карт и сверкнула глазами в мою сторону. – Какой смысл играть, когда вы уже давно умерли?

– Джесси! – вспыхнула я, ощутив болезненный укол где-то под ключицей недалеко от сердца. – Что ты мелешь?!

– Ничего страшного, – отмахнулся Метиас и перегнулся через стол. Только тогда я заметила, что вся его шея под вискозной рубашкой покрыта черными болячками. – Мертвецам не свойственны обиды.

– Я о том и говорю, – довольно улыбнулась Джесс.

Дыхание сперло. Болезненный укол под ключицей оказался не чем иным, как ужасом – именно его я почувствовала, когда отец вытащил из-под стола руки. Суставы торчали, вывернутые наизнанку, и все они оказались усеяны осколками лобового стекла.

– Папа, – прошептала я, и меня нехватило на большее. Его включенные волосы были красными от сгустков крови, застрявших в них. Метиас растерянно улыбнулся, будто его изувеченное тело вовсе не доставляло ему дискомфорта.

Я посмотрела на маму. Аквамариновые глаза остались прежними, но внешне она сделалась под стать отцу: скрюченная и искаленная. Длинные пальцы, которые часто порхали над

³ Nenna – (с исп.) «малышка».

⁴ Amada – (с исп.) «любимая».

фортепьяно в нашем доме у озера, были переломаны. Под ее подбородком алела ровная полоса – ровно в том месте, где маме отрезал голову отскочивший капот в страшной аварии.

– Если бы не этот сон, – тихо произнесла Джесс, не сводя с меня упрямых зеленых глаз – в точности как мои собственные, только с крапинками серого у зрачка. – Ты бы хоть вспомнила обо мне?

– Джесс, – выдавила я, и мир вокруг зарябил, побелев, будто мне в глаза прыснули кислотой. Наша уютная прованская кухня начала таять. Я попыталась встать из-за стола и выронила кипу карт, почувствовав боль. Обожженные пальцы покрылись пунцовыми волдырями. По кухне разлетелись пестрые масти, окропленные моей кровью.

Джесс встала тоже. В мгновение ока она лишилась всего, что делало ее собой: лицо покрылось паутинкой чернеющих вен, шоколадные волосы полезли клоками, а губы обнажили ряд акульих зубов.

– Ты худшая сестра на свете, Джейми. Как бы я ни выглядела, ты все равно меня не узнаешь. Ты никогда меня и не знала.

Я увидела невинное лицо мальчика, перепачканного в копоту и кашляющего от смога в легких, а затем сестра нависла надо мной, обратилась банши и завизжала.

* * *

Мозолистые пальцы Криса впились в мои плечи, и он с силой встряхнул меня.

– Джем! Джейми! Ты слышишь? Посмотри на меня!

В ушах все еще стоял гулкий визг моей младшей, изуродованной сестренки. Лишь спустя несколько секунд я пришла в себя и поняла, что вопль принадлежит вовсе не ей, а мне.

Крис сидел рядом и смотрел на меня с высшей степенью озабоченности, очень похожей на нежность или заботу. Губы потрескались и ныли. Перестав кричать, я зашлась кашлем, но затем быстро успокоилась, ощутив грань между сном и явью.

– Что мы?.. Что... Где мы?

Крис, все это время держащий меня за плечи, ослабил хватку. Под моими ладонями, лежащими на его груди, двигались твердые мышцы, а за его спиной был разбит костер. Пламя оттеняло длинные светлые ресницы и точеный профиль на фоне неоновых-фиолетовых сумерек.

– Мы в безопасности, – мягко сказал он. – Ты спрыгнула с чердака вместе с Мэттом, помнишь? Дом горел, а я раскидал внизу сено. Это был единственный путь.

Во рту стоял привкус гари. Каким же количеством дыма я надышалась? Грудную клетку пекло, и я вяло кивнула, пытаюсь вспомнить.

Крис взял мои ладони в свои. Там, где меня коснулись его холодные пальцы, я вдруг испытала необычайное удовольствие, и лишь потом поняла почему: Крис перевернул мои ладони, и на тыльной стороне я увидела множество ожогов и волдырей. Во сне меня обожгли карты, но на самом деле...

Дом, до самой крыши наполненный удушливым дымом. Распахнутое настежь окно. Выхода нет, и я ставлю мальчишку босыми ногами на подоконник...

– Angry Birds? – переспросил он нерешительно, опасливо глядя вниз. – Да, брат показывал мне эту игру, но... Знаете, я что-то не чувствую себя одной из тех красных птичек.

– А ты включи фантазию. – Я попыталась улыбнуться и сглотнула, оглянувшись на огонь, который уже объел дверь на чердак, подбираясь все ближе. – Видишь того парня? – я указала на Криса. – Представь, что он свинка из игры. Тебе нужно попасть в крепость из мешков, что он построил.

Я кашляла все чаще, а мальчишка медлил. Тогда я зажмурилась и толкнула его в спину, немо молясь небесам, чтобы мне не пришлось пожалеть об этом. Мальчик пошатнулся и камнем упал вниз. А уже спустя миг, ошарашенный и помятый, отряхивался от соломы, застряв-

шей в копне угольных волос. Крис помог ему вылезти и жестом указал мне на то же место, мол, я следующая. Вот только столкнуть кого-то и прыгнуть следом все же разные вещи.

Ветер, несущий свежесть осеннего леса, подхватил мои волосы и закрыл ими лицо. Я неуклюже пошатнулась на подоконнике и схватилась за карниз для штор, почти повиснув над пропастью. Но тут же вскрикнула и отняла руки: карниз до того накалился от жара со стен, что кожа на ладонях полопалась.

– Ты птичка, Джейми. Просто птичка из игры, – бормотала я себе под нос, вспоминая игру, которую отец перепроходил по пятьдесят раз на дню.

Закрыв глаза, я раскинула руки в стороны и прыгнула вниз.

На этом мои воспоминания исчерпывались, и, вскинув брови, я удивилась вслух:

– Надо же! Я ведь прыгнула! Я смогла... Ой!

Я покачнулась, тронув пальцами голову, и нащупала плотный слой марли, обтягивающий ее. Скользнув пальцами вдоль гудящего затылка, который болел особенно сильно, я посмотрела на Криса. Он сочувственно хмыкнул.

– Ты неудачно приземлилась и потеряла сознание. У тебя сотрясение.

– О-у, – приуныла я. – Значит, гордиться мне нечем.

– Ошибаешься, – Крис тепло улыбнулся и пододвинулся в сторону, открывая вид на костер. – Особой грацией ты не отличилась, зато отвагой...

Я пригляделась и увидела того самого мальчика, поедающего арахисовый батончик прямо напротив. Не страшась, он придвинулся к костру почти вплотную, согреваясь, и больше не выглядел испуганным. Кажется, он даже умылся: волосы, прежде кажущиеся черными, оказались рыжими. Миловидный и совсем не такой маленький, как мне показалось сначала.

Я не заметила, как последняя моя мысль оказалась озвученной, и прикусила себе язык.

– Мне тринадцать, – возмущенно отозвался мальчик, повернув голову, и тогда я разглядела еще и плоское лицо с острым носом и серыми глазами. – Меня зовут Мэтт.

– Джейми, – представилась я. – Джем.

Мальчик кивнул и снова увлекся батончиком.

– Он не сильно разговорчив, но оно и понятно, – сказал тихо Крис. – Его семья отправилась на поиски выживших, но так и не вернулась. Они оставили Мэттью со старшим братом, но вчера исчез и он. Мэтт слышал визг, по описанию похожий на банши, и спрятался на чердаке в отцовском сундуке для одежды, а когда вылез, дом уже был в огне, – рассказал Крис, не сводя с мальчика глубокомысленного, тревожного взгляда, будто увидел в нем что-то до безобразия знакомое. Быть может, так оно и было, ведь я никогда не интересовалась, что довелось пережить самому Крису. Он всегда выглядел так, будто его не стоит об этом спрашивать. Но раз я сегодня такая смелая...

– Тебе это знакомо, да?

– Что именно?

– Быть одному. Терять. Бояться. Чем ты занимался до того, как все началось? Я слышала некоторые сплетни, но...

«Но хотелось бы открыть тебя для себя лично». Жилка под шеей Криса дрогнула.

– Я был офицером полиции, – задумчиво ответил он. – Поэтому да, ты права, мне все это прекрасно знакомо.

– А семья? – осторожно продолжила я, пользуясь столь откровенным моментом. – Близкие?

– Не было никого.

– Что, совсем никого? А как же родители, друзья... Возлюбленная?

Крис наклонил голову, глядя на меня из-под опущенных ресниц, что проложили густые тени под его голубыми глазами. Я смотрела, не отрываясь, но Крис молчал. Я заерзала от нетер-

пения и опрометчиво закусила нижнюю губу, забыв про трещины на ней. Во рту растекся медный вкус.

– А это правда, что ты назвала меня свиньей?

Я поперхнулась им и уставилась на Криса. Заметив мое смущение, он разразился смехом, и наш разговор стал не только откровенным, но и очень теплым.

– Мэттью рассказал про Angry Birds... Ты назвала его птицей, а меня свиньей.

– Свинкой. Зеленой свинкой, – уточнила я, отводя глаза. – Я думала, это его подбодрит.

– Свиньи еще никого не подбадривали.

– Стоило попытаться.

Только тогда я заметила, что он все еще держит мои руки в своих. Его пальцы казались такими ласковыми и холодными на фоне моих ожогов. Они почти полностью уняли жжение. А может, дело было в липкой мази, которую он на них нанес, пока я спала. Даже если так, это все равно было приятно – уж точно приятнее, чем все, что случилось за этот день.

– Теперь нас двое, – вздохнула я.

– Трое. Нас стало трое. Мэттью ведь...

– Нет, я о нас с тобой. Теперь мы оба калеки. Нас двое, – я указала пальцем на его простреленный бок, не дотрагиваясь, а затем на свою перевязанную голову.

Лицо Криса просияло.

– Да, так и есть. Забота за заботу, Джейми. Отдыхай. Ты сделала то, что должен был делать я. И я... Я восхищен.

Крис попытался подняться, но я, сама того не ведая, сомкнула пальцы на рукаве его куртки. Он наградил меня вопрошающим взглядом, и я легла на смятую подстилку, а затем потянула его на себя.

Тишина больше не была утруждающим бременем. Она превратилась в спасение, тягучая и сладостная, как мед. Крис послушно лег рядом и разделил ее со мной, ни о чем не спрашивая. Я перевернулась на бок, и тогда он прижал меня к себе спиной, обняв за талию. Его сильное сердцебиение отбивало беззвучную колыбельную о мои лопатки.

Сквозь дремотную тяжесть я почувствовала, как он запускает руку мне в волосы, бережно поправляя повязку, а затем играет с ними, успокаивая и успокаиваясь сам. Мэттью, оставшись сидеть у костра, зашелестел следующей оберткой, а я, зная, что нахожусь в безопасности, провалилась в сон, на этот раз здоровый и безмятежный.

Проспать мне удалось от силы часа четыре, но этого хватило, чтобы почувствовать себя лучше. Крис уже не лежал рядом, но тлеющее чувство тепла на коже подсказывало, что он ушел совсем недавно. Приветливо улыбнувшись обоим – и Крису, и Мэттью, – я позавтракала предложенной банкой овсянки и запила ее водой, следом услышав, что на этом наши запасы подошли к концу.

– Поэтому надо идти, – попытожил Крис, застегивая рюкзак. – До МЗВ осталось полдня пути, к вечеру будем на месте. Джем, скажи, если тебе понадобится передышка, ладно?

И наша дорога превратилась бы в одну сплошную передышку, если бы за это время я не научилась умалчивать о своем самочувствии. Крис вел нас, а я шагала, держась за Мэтта. Он, отужинав накануне всеми нашими шоколадками, внезапно оказался очень разговорчивым.

– Роуз сказал, кто вы и откуда, но я так и не понял... – Он ткнул длинной веткой в кучу грязи и перепрыгнул ее, а мне пришлось неуклюже проковылять в обход. – Почему ты хотела от него удрать?

– Крис! – возмутилась я, только вообразив, какие нескромные подробности Мэтт уже успел разузнать.

Крис невинно улыбнулся.

– Что? Нам пришлось коротать время, пока ты была в отключке, и я решил поплакать Мэттью в жилетку. Знаешь, как тяжело справляться с предательством в одиночку?

– Ты просто королева драмы! – закатила глаза я.

Его задетые чувства беспокоили меня чуть меньше, чем мой сорванный план. Без оружия, припасов и сил, я снова сбилась с курса и уходила прочь от Анкориджа и своей цели. Нужна была новая стратегия, но сосредоточиться на ней мешала головная боль. В какой-то момент она сделалась невыносимой, и меня затошнило. Я не смогла терпеть и остановилась под одной из сосен, опорожнив желудок.

– Сотрясение, – вздохнул Крис так, будто я не знала об этом.

Мэтт учтиво протянул мне влажные салфетки из своего кармана. Пока вытиралась ими, я успела заметить, как Мэтт и сам вытащил пару платков и обтер ими руки, хотя те были чистыми. Крис несколько раз предложил мне передохнуть и даже демонстративно швырял на землю свои вещи, но я оставалась непреклонной.

– Чем быстрее дойдем до лагеря, тем скорее мне станет лучше, – парировала я, на что он вновь заворчал.

– Спасибо.

Голос у Мэтта был еще детским и не успел сломаться в мужской. Встретившись со мной глазами, мальчик впервые улыбнулся. От этой улыбки по спине у меня пополз холодок, настолько знакомой она мне показалась.

– Спасибо, что не дала мне сгореть заживо. Мой брат был одного с тобой возраста... – продолжил он, и я вдруг отметила, как легко он говорит о старшем брате в прошедшем времени. – Вы бы поладили.

– Да, наверно, – предположила я. – А ты бы точно поладил с моей сестрой Джесс. Ей тоже тринадцать. И ты... Ты похож на нее.

– Чем же? – с любопытством спросил Мэтт, забираясь на пень.

– Ну, вы ровесники. И в мире почти не осталось других тринадцатилеток, так что этого достаточно, – попыталась пошутить я, и ответная улыбка Мэтта снова вогнала меня в дрожь.

– Она тоже ждет тебя в лагере?

– Нет.

Я тряхнула головой. Внешне Джесс и Мэтью были совсем не похожи. У Джесс губы были пухлые, с маленькой черточкой поперек, а у Мэтта – тоньше лески. Радикальные отличия во всем, включая цвет глаз, кожи (у Джесс она была значительно розовее). Возможно, лишь их волосы имели одинаковый сливовый отлив, но не больше. И все же эта улыбка...

«Ты меня не узнаешь. Ты никогда меня и не знала».

– Эй, тебе снова плохо? – заботливо поинтересовался Мэтт, давая мне опереться о его плечо. – Я потерял брата, а ты сестру... Мы могли бы подружиться. Как там обычно делают девчонки? Клятва на мизинчиках?

Я тихо засмеялась, вспоминая, как в детстве, когда мы с Джесс ссорились до драк и укусов, Эш разнимал нас. Он приводил родителей и заставлял нас публично дать обещание никогда больше не враждовать. Тогда мы сцепляли наши мизинцы, которые, однако, вовсе не мешали нарушить клятву уже спустя несколько дней.

– Нет, – ответила я. – Девчонки никогда так не делают. Это же глупо.

К вечеру глаза у меня заслезились. В том рюкзаке, что я оставила у мостовой, были все мои контактные линзы. От старых под веками пекло как от соли. Я стоически терпела, надеясь, что в лагере у кого-нибудь найдутся очки. Когда солнце на небе уже превратилось в оранжевое зарево, мы дошли до ворот МЗВ. Это расстояние показалось мне в три раза короче, чем то, что мы прошли вместе с отрядом, обходя все города и поселки.

Крис спустился со склона первым и снова подал мне руку. Но помощь была двусторонней: я придерживала Криса так же, как и он меня. Он тяжело дышал, хватаясь за бок и стирая со лба испарину. А вот Мэтт ни в чьей помощи не нуждался: он резво скакал по опавшим листьям, стремительно несясь навстречу лагерю.

– А аттракционы работают? – улыбнулся он, когда мы уже приближались к сторожам на посту.

– Даже к моему сожалению, нет, – хмыкнул Крис.

– Ну а игры? Настольные игры у вас есть? – продолжил сыпать вопросами Мэттью, преисполненный надежды.

Взглянув на мальчишку, Крис ухмыльнулся.

– Ну, у нас есть охранник Бобби, а он отлично играет в карты.

– А в джин-рамми он умеет? – воодушевился Мэтт. – В этой игре мне нет равных!

«Я всегда была чемпионом!»

Я посмотрела на Мэттью, чье лицо озаряло заходящее солнце. От этого глаза в обрамлении рыжих ресниц сверкали точно опалы. Я придвинулась, собираясь спросить его о чем-то, что прояснило бы эту напряженность у меня внутри, это нарастающее и ничем не объяснимое чувство дикости и неестественности, но не успела.

Ворота МЗВ со скрипом разошлись в стороны.

15. Соткана из бабочек

– Говорю же, – повторила я в сотый раз, пытаюсь спрятаться от нашатыря и света фонарика, проверяющего зрачки. – Я не собираюсь падать в обморок!

– Сотрясение не может пройти за несколько часов, дорогая, – зацокала языком Мэл, и Крис, сидящий на кушетке рядом с задраным до шеи свитером, коротко закивал головой, поддакивая.

– Ее два раза вырвало, пока мы шли сюда.

– Один раз!

– Два! Думаешь, я поверил тебе, когда ты ушла в кусты якобы за смородиной? Мэтт, скажи ей! Ты тоже это видел!

Мэтт, тихонько сидящий на рабочем столе и весело болтающий ногами, пожал плечами. Он то и дело посматривал в окно, где его неистово влек к себе целый парк развлечений, и не слушал.

– Сейчас тебя проводят до места, где ты сможешь принять душ и поспать, – обратилась к нему Мэл по-матерински добро и нежно. – Только погоди, надо сдать кровь.

Мэтт съежился, когда она нависла над ним со шприцем и пустой колбой. Его лицо искажилось в трагическом ужасе, и я отлично понимала эти чувства. Он попытался улизнуть из-под иглы, но Мэл схватила его за руку.

– А это обязательно?

– Не трусь, ты же мужчина! Вдруг принес с собой грипп или экзему? Вон какие щечки алые!

Я откинулась на стену, к которой была придвинута дряхлая кушетка, и подбодрила Мэтта, выставив палец вверх. Забор крови пугал даже меня, хотя мне давно перевалило за тринадцать. Стойко выдержав это испытание, но немного побелев, Мэтт прижал вату к следу от укола и спрыгнул со столика.

– Тогда я пошел. – Он махнул Крису рукой и вдруг клюнул меня в щеку: – Еще раз спасибо, что спасла. Ты лучшая.

Я смущенно кивнула, глядя ему вслед, пока дверца фургона не захлопнулась, и потерла рукавом слюнявую щеку.

– Какой он... странный, – заметила Мэл задумчиво и вернулась к хлопотам надо мной и Крисом. – Но милый. Кажется, у кого-то появился младший братик.

– Лучше осмотри Роуза, – забрыкалась я, когда она вновь подобралась ко мне с градусником. – Его как-никак подстрелили!

– Думаю, это не единственное, почему я должна его осмотреть. Это ведь ты его зашивала, да? Ох, бедняжка!

Крис хихикнул в сжатый кулак, и я насупилась. Мне невольно вспомнился «тест», которому подверг меня Грейс в первый день моего пребывания в лагере. Кажется, тогда он назвал мое неумение что-то делать «завидным даже для амебы». С каких пор это у всех на слуху?

Вспомнив о Грейсе, я снова встревожилась. Пьяные игры у костра, его колкие замечания и стриженный ежик на голове... Выстрелы, крик Барби, одышка от бега. Где же они сейчас?

– Значит, Бобби с группой вернулись ни с чем? – спросила я, и веселье Криса померкло. – Кто с ним ходил?

– Тото, – мрачно ответил он, перестав смотреть мне в глаза. – Он бы заметил следы их присутствия, но... Ничего. В радиусе пяти миль их нет. Я не знаю, где они могут быть сейчас. Если только...

«Если только они не мертвы» – это не было сказано вслух, но зазвенело в воздухе, как те выстрелы среди ночи. От этих слов точно так же стыла кровь в жилах.

Напряженное молчание прервал голос Мэл, склонившийся над животом Криса, один вид которого благо уже перестал вгонять меня в краску, но возбуждения не умалял.

– Должна признать, – присвистнула Вата. – Зашила ты его неплохо.

Я польщенно хмыкнула и прикрыла глаза, но спустя минуту на пороге фургона раздался грохот. Меня скрутило в новом тошнотном позыве, когда чьи-то руки встряхнули меня, как котенка, и прижали к себе.

– Min Gud, varför är du alltid fast i problem?! – заверещала Флейта и протараторила еще много-много-много всего другого.

– И я рада тебя видеть, – улыбнулась я, обнимая ее в ответ.

Флейта умиленно улыбнулась, и я подумала о том, что, возможно, она сказала мне что-то совсем другое. Забравшись рядом, она пробормотала уже на понятном мне языке:

– Когда я узнала, что вас разделил охотник, я чуть не перебила все тарелки в умывальнике!

– Это было бы огромной потерей для всего лагеря. Тарелки... И как ты только удержала себя в руках? – укоризненно произнес Крис, и лишь тогда Флейта обратила на него внимание. – Спасибо, что и по мне сучала.

– Я знала, что ты выживешь, – спокойно заявила Флейта, действительно так, будто ничуть не сомневалась по этому поводу. – Ты ведь уже три месяца спокойно пьешь воду из источника, где я мою посуду. Уж после такого бессмертие присваивается автоматически!

Я прыснула, и Крис тоже, похоже, оценив шутку. Флейта снова обернулась ко мне, и губы ее едва слышно зашевелились:

– Ты так и не ушла...

– Не смогла. Винтовку пришлось бросить, а потом это, – я ткнула пальцем себе в затылок, где осталась смачная ссадина в напоминание о падении. Флейта предостерегающе шикнула, покосившись на Криса. – Расслабься, он уже знает.

– Знает?! Совсем все-все знает? Про оружие, побег, Орегон?

– Он путает Орегон с Джорджией, – сказала я. – Но да, в принципе знает.

Флейта удрученно покачала головой. Хоть кто-то был рад, что я снова здесь, даже если не была рада я сама.

– Тебе надо отдохнуть, – сказала Мэл, увлеченная перевязкой Криса. – Флейта, проводи ее до палатки и проследи, чтобы она немного вздремнула.

– Так точно, мэм! – с готовностью отозвалась Флейта и, прыгнув, взяла меня под руку. Коленки подкашивались, но головокружение давно прошло. И все же веки слипались лишь от одной фантазии о мягкой перине и старом выцветшем одеяле. Никакие палатки не сравнятся с обычной человеческой кроватью.

– Эй, – подал голос Крис, ободряюще улыбнувшись мне. – Ступай. Поспи. Ты заслужила.

Я не обратила внимание на то, что застыла посреди фургона, уставившись на него стеклянными глазами. Мозг мой притормаживал, как неотлаженный часовой механизм, и я заблудилась в потемках мыслей. Мне не хотелось покидать Роуза после того, что было, и я настоятельно уточнила:

– С Крисом точно все будет хорошо?

Мэл отвлеклась, смазывая бок Криса органическим серебром для обеззараживания, и обернулась. Уголки ее губ потянулись вверх, и я смутилась, постаравшись не думать, с чем она связала мое беспокойство за Криса.

– Он ведь солдат. Переживет. Верно я говорю, Роуз?

Он кивнул и проводил нас с Флейтой взглядом до самой двери. Я услышала бормотание, прежде чем позволила Флей перевести меня через выступ порога и направиться в сторону палаток:

– Когда о нас кто-то заботится, мы чувствуем себя уязвимыми, но такими живыми, правда?

– Да, – приглушенно ответил Крис. – Правда.

* * *

Флейта рассказывала мне о том, какую смуту едва не допустил Бобби после нашего ухода: лагерь раскололся на две половины. Одна половина спорила, как лучше избавиться от потенциально опасных спящих: экономно сжечь их или гуманно пустить пулю в лоб. А другая половина боролась и с тем методом, и с другим, защищая близких. Благо столкновения удалось избежать. Случай с матерью Тото взволновал всех, но его же голос стал решающим: явившись к церкви, он заявил, что любому, кто захочет туда войти, сначала придется иметь дело с ним. По словам Флейты, он уже оправился после смерти Софии, пусть и стал молчаливее прежнего.

Под очередную лагерную историю, случившуюся в мое отсутствие, я и уснула. Судя по всему, Флейта этого и добивалась. Сквозь обрушающуюся дремоту я слышала ее легкую поступь и то, как она по-семейному поправила мое одеяло, а затем вышла. Спустя несколько часов раздалась те же шаги, только тяжелее и торопливее. Проснувшись, я потянулась, размятая затекшее тело, пока кто-то не выдернул у меня из-под головы подушку.

– Да встаю я, встаю!

Флейта не ответила, и, сев на постель, я едва не свалилась с нее замертво. Закричать мне не дала ладонь, зажавшая рот и облаченная в рваную кожаную перчатку:

– Кто, черт побери, додумался здесь прибраться?! Куда эта скандинавская мартышка перетащила мои вещи? – зашипела Барби.

Светлые волосы, сбритые на висках, впервые на моей памяти были не забраны и струились в обход ее лица. Глаза казались совсем пепельными и скрывались под нахмуренными бровями. Одной рукой Барби крепко зажимала мне рот, а другая, перевязанная, безвольно болталась в узелке под грудью. На ее плече висел рюкзак, в котором я тут же распознала свой по университетской эмблеме. Я возмущенно замычала, и тогда Барби стиснула мою челюсть почти до боли.

Одежда на ней была в чем-то вымазана, а персиковая кожа скрылась под слоем грязи. Она выглядела так, будто только что выбралась из угольной печи. Я дернулась и попыталась отбиться от ее руки, целясь наотмашь.

– Ты! – воскликнула я, и Барби зашипела вновь, прикладывая палец к губам. – Ты жива! Где Грейс? Мы искали вас!

Барби отстранилась, и лицо ее приобрело печально-skonфуженное выражение. Угрюмо хмыкнув, она развернулась к соседнему матрасу и нагнулась, копошась под ним в поисках своих вещей.

– Барби!

Она снова шикнула и сунулась в вытасченную бумажную коробку.

– Нашла! – выдохнула Барби, выживая на свет пистолет, а вместе с ним пару своих свитеров, болоньевые штаны и шкатулку с украшениями. Все это она запихнула в свой (мой!) рюкзак и, облегченно улыбнувшись, выпрямилась.

– Барби! – Я подскочила, и лишь тогда она посмотрела мне в глаза. Взгляд у нее был темным, диким и в то же время убийственно спокойным. – Надо сейчас же пойти к Роузу и все ему рассказать! Что вы в порядке, что вы...

– Ты со мной или как?

– Что?

Барби шагнула ко мне навстречу, отрезая путь к выходу, и накрыла здоровой рукой мое плечо. Вдруг она наклонила голову и прижалась лбом к моему лбу, обжигая дыханием губы:

– Грейс ждет меня у ворот. Надо уходить, ты слышишь? Все это... Все это неправильно! Они – это мы, понятно? Только раньше. Они медленнее нас, в этом все дело. Джем, – ее грязные пальцы скользнули по моей скуле, – так ты идешь со мной?

– Роуз... Надо ведь сказать Крису, – пробормотала я, на что Барби отрицательно замотала головой. – А Флейта? Тотто? Франки? Остальные?.. Мы не можем ведь бросить их всех! Что происходит, Барби? Умоляю, расскажи сейчас! Я не понимаю.

В голове смешались все мысли, а во взгляде Барби – все чувства. Она опустила руку с моей щеки, тяжело вздыхая.

– Тот охотник шел за нами от самого лагеря, – прошептала она губами, обветренными от холода. – Напал исподтишка, помнишь? Он отделил меня и Грейса от вас с Крисом, а еще сделал вот это, – она обвела взглядом свою перевязанную руку. – **Сделала**. Это девчонка, Джем. Мелкая девчонка! Ты когда-нибудь видела, чтобы тринадцатилетки вытворяли подобное?!

– Тринадцатилетки?..

– Ребенок, Джем! Она... **показала** мне. Она умеет не только это. И она не одна. Я видела в ней себя. Ты когда-нибудь стояла напротив собственного отражения и при этом могла его коснуться? Пальцами к коже, к лицу... А я могла. Джем, это чудовищно.

На языке стоял свинцовый привкус железа. Я попыталась разобраться в услышанном, но напрашивался лишь один вывод: Барби лишилась рассудка.

– Барби, – я постаралась придать своему голосу мед, обнимая ее за плечи. – Давай пойдем к Крису, и ты расскажешь ему это лично? Уверена, вместе мы что-нибудь придумаем...

– Ты ведь все это время считала, что я тебя ненавижу, так? Знаю, у меня проблема с выражением чувств. Вечно боюсь показаться глупой. Наверное, поэтому у меня никогда и не было серьезных отношений.

Я опешила – хотя, казалось бы, куда уж больше? – и потупилась. Барби перехватила мои руки одной своей и крепко сжала.

– Я не...

– Отсюда надо убираться. Либо сейчас, либо уже никогда. Ты идешь со мной, Джейми Рейс?

– Я не могу!

Барби ожидала такой ответ: ее брови чуть приподнялись, но лицо не выдало ни капли удивления.

– У каждой розы есть свои шипы, и у этой розы они отравлены, – прошептала она и, буркнув что-то еще о моей дурости и том, как ей жаль бросать меня здесь, вдруг припала к моим губам своими. Поцелуй вышел смазанным, грубым и терпким, почти болезненным. Она страстно поцеловала меня и, не говоря больше ни слова, схватила поудобнее свой рюкзак и выскочила из палатки.

Я осталась стоять в оцепенении, не понимая, что застало меня врасплох больше: появление Барби – живой и невредимой, – ее «страшилка» или наше прощание. Я прижала пальцы к губам, пылающим и испачканным в саже в подтверждение того, что все случилось взаправду. Все это время я считала, что Барби влюблена в Крису и презирает меня за то же самое, а она... поцеловала меня. Как можно быть такой слепой? И как можно думать об этом сейчас, когда есть кое-что гораздо важнее?!

Я схватила куртку Флейты с кровати, чтобы не тратить время на поиски своей, и бросилась вдогонку.

Искать Крису в темноте парка оказалось тщетно: я не помнила, в какой из палаток он жил раньше или куда мог перебраться. Фургон Мэл уже был закрыт. Свет приветливо мерцал лишь в створчатых окнах лаборатории. Он горел там каждую секунду каждого дня, и очертя голову я кинулась на призывное свечение, как изголодавшийся по теплу мотылек.

– Франки!

Франки разбил одну из своих драгоценных колб, едва не наворачнувшись на стуле, когда я ураганом влетела внутрь, снося все на своем пути. Едва он успел возмутиться или поприветствовать меня, как я, запыхавшаяся от бега, схватила его за грудки и потрясла.

– Барби! Барби здесь!

– Кто? – Ответ на элементарные вещи всегда занимал у него чуть больше времени, чем у других людей, но сейчас времени не было вовсе. Я снова тряхнула его, и взгляд Франки наконец сфокусировался. – Барби? А, да, я знаю. Она недавно заходила.

Я отпустила его и осела.

– Заходила? Сюда?

– Ну да, – Франки недовольно взглянул на осколки у себя в ногах и принялся сметать их в горстку носком ботинок. – Спрашивала, нельзя ли одолжить у меня несколько реактивов, и долго ругалась, когда я отказал. А еще стащила у меня пакетик ванильных сухарей. Ну что за манеры?!

– Франки, – я потерла пальцами переносицу, наблюдая за тем, как он причесывает распростертой пятерней лохматые волосы, – ты вообще заметил, что меня не было в лагере?

– Конечно, – серьезно ответил он, кивая на желтый стикер с рожицей, так и приклеенный на объектив его камеры.

Улыбнувшись тому, что, похоже, рецидивов тотального одиночества у Франки больше не случилось, я отвернулась.

– А ты в курсе, что в нашем походе Барби и Грейс пропали? Мы с Крисом вернулись сегодня без них.

– Пра-авда? – В голосе Франки прозвучало неподдельное изумление. – А как же она тогда ко мне заходила?.. Хм, а я ведь подумал, уж больно она грязная для своего вечного чистоплюйства!

– У нее какие-то проблемы, Франки, – сказала я. – Она не в себе. Повредилась умом, похоже. Надо найти ее, пока не поздно, но сначала нам нужно разбудить Криса. Слышишь меня? Это срочно!

– Нет-нет-нет, – замахал руками Франки, и, не успев я раскричаться на него, как он протараторил: – Есть кое-что более срочное. Я как раз собирался тебя будить. Знал, что ты оценишь.

– Франки, не сейчас! Барби...

– Помолчи! – Он подорвался из-за стола с таким гневным и сосредоточенным выражением на лице, что я не решилась возразить вновь. – Пока вас не было, я вплотную взялся за изучение крови, которую забрал на пробу у Спящих. Я сравнивал ее с нашей, не понимал, что к чему, пока вы не привели с собой ее...

– Кого «ее»?

– Ну, эту девчонку. Ребенка. Я слышал, вы спасли ее в пожаре. – Я хотела поправить его, пояснив, что мы спасли мальчика, Мэтта, а не «девчонку», но он бурно продолжил: – И меня осенило: они лучше нас!

– Франки, – вскипела я. – У нас нет времени! Что ты несешь?

Франки оттолкнул от себя кружку с растворимым кофе, и всплеск бледно-коричневых пятен окропил клочки бумаги, разбросанные у него по столу.

– Мы все это уже проходили, Джем. И ты, и я... Все люди, понимаешь?

– Нет, – призналась я честно, теребя рукав своей куртки. – Не понимаю.

Но зато я понимала, почему его сочли Франкенштейном. Он действительно меня пугал.

Франки вздохнул.

– Весна, Джем! Что ты видишь, когда наступает весна?

– Э-э. – Я не знала, риторический ли то был вопрос, но все равно нерешительно предположила: – Пух от тополей и сопли аллергиков?

– Бабочки, Джем! Что происходит с гусеницами перед тем, как они обретают крылья? Они сворачиваются в куколку и засыпают! Спят столько, сколько потребуется, пока крылья не отрастут. А все люди на Земле...

«Щелчок» – с таким звуком до меня дошло то, что пытался объяснить Франки все это время. Все мои иллюзии стерты. Вот та самая истина, такая болезненная и четкая, что становится трудно дышать, а в висках стучит вместо крови: «Как мы раньше об этом не подумали?!»

– Они как гусеницы, – шепотом закончила я.

Франки сжал задрожавшие губы и облегченно улыбнулся, словно сбросил с плеч кирпичи.

– Да. Они спят, чтобы измениться. Это эволюция, Джем. Из гусениц в бабочек... Из людей – в сверхлюдей. Ждут, когда вырастут крылья. Такова моя теория. Гениально, правда?

– Неужто ты хочешь сказать, что банши – это новая ветвь эволюции?

– Вряд ли, – парировал Франки, чуть поразмыслив. – Скорее ее сбей. Если кокон бабочки повредить, оттуда выползает уродливое нечто и по истечении времени погибает. Естественный отбор.

– А что тогда насчет людей, которые не уснули, как ты или я? – встревоженно поинтересовалась я. – Что насчет нас?

Неожиданно блеск в глазах Франки сделался матовым. Мрачно хмыкнув, он отвернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.